

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ АВСТРІИ

Десять лѣтъ реакціи.—Министерство Шварценбергъ-баховское,
1848—1859.

III *).

Какъ успокоена была имперія.

Тотъ же мѣсяцъ апрѣль 1849 года, въ которомъ обвинулось сумасшествіе Стадіона, оказался роковымъ и для Виндигреца и ознаменовался паденіемъ его на политической аренѣ. Старый, упрямый и самоувѣренный баринъ, отвѣдя себѣ въ исключительный удѣлъ усмиреніе венгерскаго мятежа, не торопился въ путь на несомнѣнную, по его мнѣнію, побѣду и посвятилъ почти конецъ 1848 г. на то, чтобы поражать издали противниковъ на бумагѣ. Его приказы грозили военнымъ судомъ священникамъ, которые не объявлять съ амвона крестьянамъ, что дана воля императоромъ, и срыгнемъ въ уровень съ землею всякаго города или посада, оказывающаго сопротивление, дѣлаемъ всякое сельское начальство отвѣтственнымъ за селеніе и поднегали секвестру имущество всѣхъ сторонниковъ Кошута. При самомъ вступленіи войскъ на венгерскую землю, Виндигрецъ произнесъ слова: «я не веду переговоровъ съ мятежниками», отвѣтъ депутаціи, состоящей изъ Франца Деака, архіепископа

*) См. выше: май, стр. 122.

Новича и несчастнаго Людвигъ Багіани, котораго онъ тутъ же велѣлъ арестовать. О блистательныхъ успѣхахъ пачатой въ половинѣ декабря кампаніи публиковалъ въ Вѣнѣ бюллетени военный губернаторъ Вельденъ, который выражалъ въ нихъ сожалѣніе, что «быстрота военныхъ дѣйствій лишаетъ его возможности знакомить публику съ подробностями событій». Занявъ безъ выстрѣла 5 января 1849 г. Буду-Пештъ, Виндигрецъ вполне былъ убѣжденъ, что усмиренію положенъ конецъ и что остается только ловить и казнить мятежниковъ. Газеты наполнены были драгоцѣнными объявленіями о розыскѣ коноводовъ движенія: «вкрадчиваго Кошута», Пульскаго, «который носитъ лѣтомъ отложной воротникъ», «яраго Мадарата, который, однако, умѣетъ сдерживать свой гнѣвъ», и другихъ лицъ, столь же типически описанныхъ. Верхъ совершенства въ своемъ родѣ составляетъ приказъ 12 февраля, которымъ Виндигрецъ грозилъ разстрѣляніемъ по военному суду всякому, кто будетъ имѣть сношенія съ живущими за Тейсомъ, и налагалъ 20 т. гульденовъ штрафа на каждое еврейское общество, членъ котораго уличенъ будетъ въ сношеніяхъ съ мятежниками, «такъ какъ извѣстно, что главнымъ образомъ евреи служатъ мятежникамъ пііонами и поставщиками». Приказомъ этимъ Виндигрецъ пресѣкъ себѣ возможность знать, что дѣлается за Тейсомъ. Въ сущности Виндигрецъ только то и дѣлалъ, что позировалъ и представлялъ изъ себя alter ego императора. Вскорѣ ни для кого не было тайною, что онъ не знаетъ ни людей, ни края, что его распоряженія противорѣчатъ одно другому, что у него тотъ всегда правъ, кто побывалъ послѣднимъ. Когда венгерцы неожиданно для него появились подъ Пештомъ и побили императорскія войска 6 апрѣля подъ Изанегомъ и Годолло; когда появился безсмертный бюллетень, представлявшій эти стычки какъ побѣду, вслѣдствіе которой главнокомандующій рѣшился «приблизиться къ своимъ резервамъ» и занять сосредоточенную позицію предъ Пештомъ, за каковымъ движеніемъ «послѣдовалъ и непріятель съ великою успѣшностью»; когда изытїя изъ обращенія, по весьма несвоевременному настоянію министерства, бумажныя деньги кошутовскаго правительства не только не упали въ цѣнѣ въ Пештъ, но держались по курсу почти на одинаковой высотѣ съ билетами вѣнскаго національнаго банка; когда, наконецъ, самый Пештъ пришлось очистить, — тогда самымъ отъявленнымъ реакціонерамъ выяснилась необходимость пожертвовать Виндигрецомъ. 12 апрѣля въ засѣданіи совѣта министровъ въ Ольмюцѣ рѣшено было его отозвать или, лучше сказать, «всемилоостивѣйшее разрѣшеніе на отпускъ»

съ освобожденіемъ отъ командованія войсками въ Венгріи, но съ назначеніемъ главнокомандующимъ всѣми императорскими войсками, кромѣ находящихся въ Италіи.» Пришлось начинать съизнова покореніе страны, ставъ въ то самое положеніе, въ какомъ находились дѣла до декабря 1848 г. и вести войну при обстоятельствахъ все болѣе и болѣе неблагоприятныхъ, при растающемъ общемъ неудовольствіи правительствомъ всѣхъ безъ исключенія національностей, которыя министерство стѣснѣло такъ противъ себя вооружить, что ни въ одной, несмотря на ихъ междоусобицы, оно не находило настоящей опоры и поддержки.

Участіе польской эмиграціи, Дембинскаго и Бема въ венгерскомъ движеніи послужило достаточнымъ поводомъ генералу Гаммерштейну для провозглашенія осаднаго положенія въ Буковинѣ и Галиціи (январь 1849). Въ Прагѣ послѣ великолѣпнаго фіаско, которое потерпѣли Палацкій, Ригеръ и ихъ друзья въ Кремзирѣ, младо-чешская партія имѣла перевѣсъ и шла на открытую оппозицію. Обнаруженъ былъ даже заговоръ, съ цѣлью завладѣть Градчиномъ, изъ 80 человекъ, въ которомъ, правда, кромѣ Бакунина и молодого журналиста Сладковскаго не участвовали никто изъ извѣстныхъ людей. Не обошлось безъ уличныхъ беспорядковъ, 10 мая опять объявлено въ Прагѣ осадное положеніе, арестовано множество студентовъ, приостановлено изданіе газеты «Narodní Nowiny» и официально заявлено, что правительство имѣетъ въ рукахъ доказательства, что мадыарско-нѣмецкая революціонная партія распространяетъ свою дѣятельность и на Прагу. Если чехи изъ ненависти къ грубой военной реакціи стали мыслиться мысленно съ Кошутымъ, то и венгерскіе славяне, у которыхъ въ крови была ненависть къ мадыарамъ, обнаруживали недвусмысленно, что и они неравнодушны къ гражданской свободѣ и конституціоннымъ гарантіямъ; чѣмъ менѣе было надеждъ на эту свободу и гарантіи, тѣмъ слабѣе становились ихъ содѣяствіе правительству и отпоръ мадыарамъ. Не было уголка въ имперіи, который бы пострадалъ отъ мадыаръ болѣе, нежели 11 словацкихъ комитатовъ, въ которыхъ хозяйничалъ свирѣпый Чанъ (Csanyi), сдѣлавшійся потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ венгерскаго правительства, разорявшій селенія и вѣшавшій людей десятками; но и этотъ уголокъ, ополчившійся подъ предводительствомъ пастора Гурбана, учителя Штура и Годжи, прислалъ депутацію въ Ольмюцъ просить (20 марта 1849), вмѣстѣ съ отдѣленіемъ отъ Венгріи, о самоуправленіи и учрежденіи земскаго сейма, — требованія, которыхъ министерство никогда не хотѣло удовлетворить. Несравненно труднѣе министерству было

управиться съ южными славянами, которые столь недавно брали мятежную Вѣну и явили себя спасителями государства. Бантъ Йеллачичъ, превратившійся изъ народнаго дѣятеля въ австрійскаго генерала, потерялъ у хорватовъ всякую популярность. Хорваты громко заявляли свои сожалѣнія о закрытіи сейма въ Кремзирѣ, свое пренебреженіе къ пожалованной конституціи и свое негодованіе за обращеніе съ ними правительства. Старикъ графъ Сечени имѣлъ полное основаніе писать въ своемъ предсмертномъ сочиненіи: «кто знаетъ 1848 годъ только по слуху и видитъ, какъ ласкаютъ нынѣ Италію и ни во что не ставятъ Кроацію, долженъ бы заключить, что хорваты возмущались и что ихъ укротили ломбардо-венеціанскіе полки.» Въ Банатѣ эфемерное сербское движеніе близилось къ печальнѣйшей развязкѣ. Двѣ вновь созданныя силы, патриархатъ и воеводство, пожирали себя взаимно. Патриархъ Раячичъ, сошедшійся съ австрійскимъ генераломъ Руковиною, заманилъ въ укрѣпленный Темешваръ народный *отборъ* и претендующаго на должность воеводы Стратимировича, арестовалъ послѣдняго и вымогъ у «отбора» передачу въ его духовныя руки военной диктатуры. Но австрійскіе генералы помогли Раячичу вовсе не затѣмъ, чтобы ему потомъ подчиняться. Столкновенія патриарха съ Руковиною кончились тѣмъ, что осадное положеніе объявлено было въ Банатѣ, и что Виндингрецъ, образовавъ изъ Баната седьмой военной округъ, назначилъ туда начальникомъ генерала Майергофера, то-есть поступилъ съ Банатомъ, какъ съ отвоеванною частью короны св. Стефана. Въ мартовской конституціи подтверждены права Кроаціи, но ничего не постановлено о самостоятельности Воеводины. «Мы промѣняли Пептъ на Вѣну, — говорили сербы, — мы позабыли, что Австрія и свобода двѣ разныя вещи, что въ Австріи не было и не будетъ свободы.» 6 мая 1849 г. явилась въ Ольмюцъ хорвато-сербская депутація просить о пожалованіи сербской Воеводины земскаго устава, выработаннаго «отборомъ», который былъ основанъ на началахъ члестѣйшаго федерализма и самоуправления земель. Йеллачичъ, на котораго напирала со всѣхъ сторонъ о поддержкѣ этихъ требованій, не могъ ровно ничего сдѣлать; его мало уважали въ Вѣнѣ. Автономія сербамъ не была дана, но дождался они позже, послѣ венгерской кампаніи, что патентомъ 18 ноября 1849 изъ живого тѣла Венгріи вырѣзанъ сочный кусокъ Воеводина, по Маршалу, что императоръ принялъ титулъ воеводы сербскаго, а вице-воеводою назначилъ тотъ же Майергоферъ, независимый отъ венгерскаго намѣстника, но вполне и исключительно зависимый отъ вѣнскаго министерства. Понятно, что при такихъ условіяхъ

съ марта 1849 г. національная партія южныхъ славянъ стала разлагаться, что перевѣсъ получили крайніе радикалы, такіе федералисты, но отвѣленные враги централизаціи, нетерпящіе еще больше нѣмцевъ, нежели мадьяръ. Австрія должна, говоря о ней, либо разрѣшиться федераціею, либо завязнуть опять въ абсолютизмъ; какъ Венгрія погибла отъ мадьяризма, такъ Австрія погибнетъ вслѣдствіе своихъ стремленій къ обнѣмеченію. Еслибы спросить нѣмцевъ, что они думаютъ о положеніи своемъ въ имперіи, которой правительство попрекаемо было тѣмъ, что оно ихъ выдвигаетъ и имъ особенно покровительствуетъ,—то они заявили бы вѣроятно, что они недовольны больше всѣхъ другихъ. Отношенія министерства къ Германіи и нѣмецкому элементу составляютъ одну изъ курьезнѣйшихъ и забавнѣйшихъ сторонъ исторіи этого режима, для оцѣнки которой надобно строго отличать правительственную утопію отъ правительственной практики.

Утопія была великолѣпная: въ официальныхъ и полу-официальныхъ вѣнскихъ газетахъ конца 1848 г. стали появляться статьи, которыхъ основная идея внушена была свыше и которыми проповѣдывали образованіе могущественной семидесяти-милліонной европейской державы изъ цѣлой Германіи, слившейся въ одно съ цѣлою Австріею въ полномъ ея составѣ. Условія и основанія соединенія оставались проповѣдниками его благоразумно, осторожно, въ туманѣ, но звонкими фразами воспѣваема была гигантская сила этой громады въ среднѣй Европѣ, у которой заискать будетъ Англія, передъ которою дрожать будутъ Франція и Россія и которая, отодвинувъ до Балкановъ свою грань, соединитъ Азію съ Европою и будетъ предписывать законы міру. Германія тѣсно въ ея германскомъ союзѣ; ей надобно имѣть свои гавани въ Адриатическомъ морѣ, входъ въ Черное, надзоръ за турецкимъ наслѣдствомъ и всю великую будущность, назрѣвающую незримо и тихо на востокъ имперіи. Разгоряченное воображеніе мечтателей предвидѣло даже сліяніе племенъ и образованіе новой расы славяно-германской, причѣмъ предполагалось, что во главѣ этого химерическаго необозримаго союза стоять будетъ въ полувосточныхъ формахъ австрійскій монархъ, какъ царь царей, какъ солнце, окруженное системою планетъ. Эта несказанно нелѣпная химера клонилась въ сущности только къ тому, чтобы положить конецъ парламентаризму, рѣшительно невозможному въ 70-милліонной разношерстной федераціи и возможному только въ депотіи; она втягивала германское движеніе въ старыя колеи сонливаго сейма германскаго союза и абсолютизма. Благодаря своему источнику, эта пустая идея пошла быстро въ курсъ. Она

наименовала одно изъ двухъ: или то, что ея хотѣли морочить левковѣрныхъ, или то, что крайне несостоятельны были тѣ умы, которые изобрѣли этотъ безсодержательный мыльный пузырь и переважно имъ забавлялись.

Такова была утопія; перейдемъ теперь къ дѣйствительности. Австрійское правительство никогда не было особенно расположено къ народному нѣмецкому собранію, сеймому у Св. Павла во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Оно поддерживало съ нимъ сношенія настолько, насколько надѣялось достигнуть главенства Австріи въ Германіи. Несмотря на его двусмысленную политику, на предугадываемое его стремленіе къ восстановленію до-мартовскихъ отношеній, въ проектируемой союзной Германіи за Австріею почти безспорно признаваемо было первенствующее положеніе. Слова официального уполномоченнаго при центральной власти союза, Шмерлинга, на сеймѣ во Франкфуртѣ, почти не встрѣтили противорѣчія въ началѣ 1849 г., когда онъ заявлялъ, что нѣтъ собственно нѣмецкой исторіи и что, только соединясь съ Австріею, Германія пріобрѣтаетъ историческое значеніе. Другіе ораторы изъ австрійцевъ, Вюртъ и Гискра, доказывали съ успѣхомъ, что Германія будетъ жалка и мизерна безъ Австріи, что австрійское войско есть средство пропаганды германской культуры на востокъ, куда и направится потокъ германской колонизаціи. Сеймъ рукоплескалъ предложенію Гискры ввести всю Австрію въ полномъ ея составѣ въ союзъ.—Первымъ рефлексомъ государственнаго переворота, совершеннаго въ Кремзирѣ, было отчужденіе нѣмцевъ вообще отъ Австріи и разрывъ ея окончательный съ народнымъ собраніемъ во Франкфуртѣ. Шварценбергъ предложилъ парламенту, чрезъ Шмерлинга, родъ ультиматума, основанный на томъ, что сдѣлавшись унитарнымъ государствомъ по конституціи 4-го марта, Австрія не можетъ дробиться, выдѣляя нѣкоторыя свои части въ германское государство; а потому единство Германіи должно быть отыскиваемо такими путями, чтобы Австріи представлена была возможность, не жертвуя собой, оставаться въ обществѣ отечествѣ. Въ то же время конфиденціально народному собранію сообщено, что Австрія можетъ согласиться на такую организацію Германіи, въ которой бы центральную власть составлялъ союзный директоріатъ подъ предсѣдательствомъ Австріи, а законодательное собраніе или палата державъ, *Staatenhaus*, состояло бы изъ выборныхъ, частью отъ германскихъ правительствъ, частью отъ законодательныхъ собраній отдѣльныхъ германскихъ державъ; Германія дѣлилась бы на округа, Австрія составляла бы первый округъ и давала бы самое большее число членовъ въ

палату державъ. Не только многіе изъ австрійцевъ протестовали въ церкви Св. Павла какъ противъ пожалованной мартовской конституціи, такъ и противъ плановъ Шварценберга, но и многіе самые ревностные сторонники Австріи, напримѣръ Велькеръ, перешли въ лагерь прусскій и образовали большинство, которое предположило предложить наслѣдственную императорскую власть въ Германіи королю прусскому. Тогда Шмерлингъ сложилъ съ себя званіе австрійскаго уполномоченнаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что по конституціи 4-го марта нѣмецкія области Австріи не могутъ болѣе участвовать въ нѣмецкомъ союзномъ государствѣ. Многіе депутаты изъ австрійцевъ вышли со Шмерлингомъ изъ сейма, а остальные были формально отозваны австрійскимъ правительствомъ 5-го апрѣля. «Австрійскій императоръ, сказано было въ ногѣ Шварценберга, никогда не подчинится иному нѣмецкому государю и не допустить, чтобы иностранное законодательное собраніе распространяло свою власть на его владѣнія». — Въ границѣ Австріи идея о семидесяти-милліонной державѣ повсюду провалилась; въ самой Австріи культурная сила, которая должна была служить цементомъ проектируемой державѣ и въ которую падали всѣ нареканія за германизацию, находилась въ слѣдующемъ положеніи. Высланный усмирять мадьяръ, Виндишгрецъ заигрывалъ съ венгерскими аристократами-реакціонерами, вездѣ правительство выдвигало впередъ одни феодальные и клерикальные элементы; по всѣмъ канцеляріямъ имперіи господствовалъ въ перепискѣ такой жаргонъ чехо-нѣмецкій или славяно-нѣмецкій, который можно было принять за признакъ начавшаго образованія новаго племени славяно-германскаго. Вѣна продолжала считаться въ глазахъ правительства гнѣздомъ революціонеровъ, городомъ, который готовъ подняться на выручку венгерцамъ при малѣйшей побѣдѣ надъ императорскими войсками. Самые солидные и безукоризненно благонамѣренные редакціи газетъ подвергались взысканіямъ и преслѣдованіямъ, напримѣръ газета «Österreichische Post», въ которой сотрудничали Пиллерсдорфъ и которая была все-таки нѣкоторое время приостановлена Стадіономъ, и редакція «Allgemeine Oestereichische Zeitung», у редактора которой бывшего министра Шварцера, произведенъ былъ обыскъ (вскорѣ потомъ тотъ же Шварцеръ приговоренъ къ 48-ти-часовому аресту). Военные суды судили преступленія политическія; столько же укрѣпляема была новыми формами. Первый декретъ по возвращеніи правительства изъ Ольмюца въ Шенбруннъ (8-го іюня) былъ декретъ по докладу Баха объ учрежденіи 13-ти жандармскихъ полковъ съ бюджетомъ въ 5 милліоновъ, объясняемомъ тѣмъ, что

при предоставляемой теперь политической свободѣ могутъ участіе посягательства на порядокъ, а мѣры предупрежденія ставятся малочисленнѣе и могутъ быть употребляемы только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Цензура внутренняя не была возставлена на мѣстныхъ произведенія печати, но введены залоговые билеты: заграничныя произведенія печати цензуровались со всею строгостью меттерниховскаго времени, вслѣдствіе чего книгопродавцы отказались брать свои книги изъ таможи и подали адресъ министру па это нарушеніе конституціи; наконецъ репертуаръ театровъ просматриваемъ былъ и утверждаемъ военнымъ генераломъ Вѣны, генералъ-фельдцейхмейстеромъ Вельденомъ, и такъ какъ съ каждымъ днемъ росло вліяніе на дѣла высшаго духовенства, которое обращало особенное вниманіе на прессу и театръ, но котораго совѣты не очень расположены были уважать Вельденъ, то Бахъ, не имѣвший связей при дворѣ и всячески занесенный у клерикальной партіи, устроилъ дѣло такъ: намѣстничествомъ эрцгерцогства и городская полиція заставляли, посредствомъ разныхъ угрозъ и внушеній, дирекціи театровъ отказываться отъ представленія неприятныхъ духовенству пьесъ, не доводя о томъ до свѣдѣнія Вельдена. Инициативу въ подобныхъ требованіяхъ брали на себя церковныя братства (Severinus-Verein, Michael-Verein): онѣ обращались съ представленіями къ архіепископу «о поруганіи Бога и церкви». Архіепископъ отвѣчалъ выраженіемъ сожалѣнія, что ему не принадлежитъ власть надъ театральною цензурою, но сообщалъ намѣстничеству о господствующемъ общественномъ мнѣніи», каковое сообщеніе исполняемо было столь аккуратно, какъ и всякій министерскій приказъ. Липецкій архіепископъ Рюдигеръ, — извѣстный тѣмъ, что терпѣть не могъ, когда духовные предавались ученымъ занятіямъ, и что одному кремленскому канонику, поднесшему ему написанную книгу, жаловался сухо: «а сколько разъ могли бы вы прочесть въ это время требникъ», — поступалъ еще рѣшительнѣе; онъ прямо требовалъ къ себѣ актеровъ и поучалъ ихъ скромности въ костюмахъ; онъ распорядился также исправленіемъ пьесъ для сцены: Шиллеръ, Гёте, всѣ классики были процензурованы и очищены епископскою властью, и въ такомъ только видѣ являлись передъ публикою. Вѣвскій магистратъ распорядился ознаменовать иллюминаціею обнародованіе пожалованной конституціи 4 марта и отправилъ даже по этому случаю депутацію въ Ольмюцъ, которую государь поблагодарилъ при представленіи словами: «надѣюсь, что выраженные вами чувства жителей поставятъ меня вскорѣ въ возможность возвратиться въ среду вапу». Въ апрѣлѣ Вельденъ назначенъ

былъ на мѣсто Виндишгреца главнокомандующимъ въ Венгрии городъ вздохнулъ свободнѣе, вслѣдствіе восполздовавшаго въ этомъ случаѣ отдѣленія гражданскаго управленія отъ военнаго. 5 мая прибылъ и дворъ въ Шенбруннъ, причемъ вѣрноподданническія чувства вѣнцевъ проявились тѣмъ съ большею силой, что всякое сочувствіе къ венгерцамъ пропало въ простонародіи послѣ того, какъ состоялось въ Дебречинѣ 14 апрѣля низложеніе династіи по предложенію Кошута. Но 30 мая Вельденъ съ командою въ руки Гайнау и вернулся на прежнее мѣсто, 1 мая побѣда гражданскаго управленія надъ генералами оназдала призракомъ, все пошло по старому. Вскорѣ потомъ разразился громовымъ ударомъ фактъ, унижительный для всякаго австрійскаго и окончательно уничтожавшій въ корнѣ надежды самыхъ невиннѣйшихъ оптимистовъ: австрійское правительство, не соглашавшееся съ подданными и не находя нигдѣ въ нихъ поддержки, въпросило и получило вооруженную помощь Россіи. Почти въ одинъ день и въ Вѣнѣ, и въ С.-Петербургѣ (1—11 мая) опубликованы были манифесты, гдѣ оповѣщалось дружеское вмѣшательство Россіи для подавленія мятежа въ Венгрии, соединившаго въ себѣ всѣ элементы европейской революціонной партіи и грозящаго разрушеніемъ всѣхъ основъ общественнаго порядка. Россійскій императоръ далъ помощь даромъ, онъ только потребовалъ, чтобы корпусъ генерала Паскевича не считался вспомогательнымъ, чтобы дѣйствовалъ сосредоточенною массою и не подчинялся никому изъ австрійскихъ генераловъ. Русская помощь не только обнаруживала передъ всѣмъ свѣтомъ несостоятельность габсбургской монархіи, какъ государства, безсиліе его при разрѣшеніи задачъ внутренней политики; она знаменовала еще отказъ отъ всякихъ либеральныхъ начинаній, отъ всѣхъ потребностей, возникшихъ несвязно и смутно въ великой суматохѣ 1848 г. Тогдашнее правительство Россіи играло сознательно роль непреступной крѣпости и центра европейскаго консерватизма; оно представляло изъ себя скалу, у стопъ которой должны разбиваться волны революціи, гдѣ бы она ни проявлялась,—революція понимаемой какъ нераздѣльное цѣлое и смѣшиваемой въ одну кучу идеями и потребностями, которыхъ она являлась носителемъ. Въ довершенію картины умственного состоянія общества въ первой половинѣ 1849 г., вспомнимъ, что въ тотъ самый день 1 мая, когда въ вѣнскихъ газетахъ объявлено о вооруженной помощи Россіи для матеріальнаго укрощенія революціи, открытъ былъ въ Вѣнѣ мѣстный соборъ или синодъ высшаго римско-католическаго духовенства земель нѣмецкихъ и славянскихъ, на который

прислало 35 епископовъ и который вызванъ былъ заботами объ умиротвореніи той же революціи духовными мѣрами, при дѣятельномъ пособіи со стороны свѣтской власти. Не только на распоряженіе, но и на совершенную податливость этой свѣтской власти представители церкви могли съ каждымъ днемъ болѣе разсчитываться. Никто не созывалъ этого духовнаго собора, епископы собирались въ силу гарантированныхъ конституціею 4 марта основанныхъ правъ, которыми па дѣлѣ никто кромѣ ихъ не пользовался. Они подали адресъ императору (7 мая), въ которомъ просия о покровительствѣ со стороны правительства, они обѣщали умиротворять австрійскимъ народамъ вѣрноподданническія чувства и содѣйствовать возрожденію и обновленію монархіи. «Католическая церковь,—гласилъ адресъ,—есть крѣпкая твердыня для всѣхъ, алчущихъ вѣчныхъ благъ, но она распространяетъ свое вліяніе не на всѣ отношенія земной жизни. Твердое основаніе и высшее руководящее, сообщаемыя религіею чувству долга, составляютъ необходимую потребность нравственной силы государства. Годъ 1848 свидѣтельствуетъ громовымъ голосомъ, что въ тѣсныхъ предѣлахъ этой истины вращается всемірная исторія». Въ папскомъ посланіи, заключившемъ (17 іюня) соборъ, епископы высказались противъ политической свободы и объявили національность остаткомъ «язычества», такъ какъ разноязычіе есть послѣдствіе грѣха и соvrащенія людей съ пути истины. Еще сильнѣе выразился пражскій епископъ въ своемъ посланіи, резюмировавшемъ постановленіе собора: «Знаменитый манифестъ нѣмецкой демократіи,—сказано было въ манифестѣ,—запечатлѣнный тѣмъ крайнимъ нигилизмомъ (честь изобрѣтенія знаменитаго слова, очевидно, не принадлежитъ Тургеневу), который вмѣсто свободы и правъ защищаетъ необходимость невѣрія, откроешь глаза многимъ. Рядомъ съ атеизмомъ вкрадываются другія анти-религіозныя направленія, во-первыхъ, національность, противная космополитическому характеру христіанства, во-вторыхъ, отдѣленіе школы отъ церкви». Отъ государства соборъ требовалъ бездѣлицъ: отъ монарха placetum regium, то-есть правительственнаго разрѣшенія на обнародованіе папскихъ буллъ и бреве, освобожденія отъ предварительнаго просмотра правительствомъ папскихъ посланій епископовъ, предоставленія полновласти духовенству и духовнымъ лицамъ въ брачныхъ дѣлахъ, завѣдыванія кладбищами, разрѣшенія погребенія, наконецъ, непосредственнаго участія духовенства въ завѣдываніи 80-милліоннымъ церковнымъ фондомъ, образованнымъ при Іосифѣ II, взамѣнъ конфискованныхъ монастырскихъ имѣній. Министерство не затруднилось вступить по

этой программѣ въ переговоры по открытому вопросу объ отноше-
 шевіи государства къ церкви; для этихъ переговоровъ былъ
 бранъ соборомъ постоянный комитетъ подъ предсѣдательствомъ
 зальцбургскаго, а вскорѣ потомъ пражскаго архіепископа, каро-
 нала Шварценберга, брата перваго министра. Мечты о высоко-
 положеніи Австріи въ европейской системѣ государствъ; милли-
 таризмъ, какъ опора матеріальнаго порядка, возстановляемаго
 какъ, съ помощью иностранцевъ; и обращеніе за содѣйствіемъ
 для нравственнаго дисциплинированія людей къ римско-католическому
 духовенству, предлагающему это содѣйствіе государству въ
 крайне дорогой цѣнѣ и на крайне несходныхъ условіяхъ—
 эти главныя черты шварценбергской политики успѣли обож-
 читься уже въ первой половинѣ 1849 года. Въ одномъ только
 отношеніи эта политика одержала легкій и несомнѣнный успѣхъ:
 она покопчила съ Венгерією, добилась совершеннаго подавленія
 мятежа. Венгерцы дѣлали видъ, что они побѣждены только рус-
 скою силою, но не австрійскимъ оружіемъ, и Гѣргей съ арміею
 сдался 13 августа фельдмаршалу Паскевичу, который по этой
 случаю написалъ въ донесеніи своему государю памятвыя слова
 бѣившія Гайнау и австрійскихъ генераловъ: «Венгерія у ногъ
 вашего величества». 27 сентября сдалась на почетную капи-
 ляцію, съ полною амнистією для гарнизона и свободнымъ про-
 пускомъ для командовавшихъ, неприступная крѣпость Коморнъ,
 послѣдній пунктъ, на которомъ развѣвалось венгерское знамя.
 Незадолго предъ тѣмъ (22 августа) сдалась и Венеція; воору-
 женное сопротивленіе не существовало нигдѣ болѣе въ предѣ-
 лахъ австрійской имперіи, оставалось только пожинать плоды
 побѣды. Легко можно было предвидѣть, что правительство не
 будетъ любезничать съ мятежниками, что ихъ ожидаетъ суровый
 строгій судъ, что покоренная свободная страна будетъ сдана въ
 въ ежѣвыхъ рукавицахъ,—но всѣ ожиданія превзошла жестокость
 и злость, съ которою обошлись съ побѣжденными: жестокость
 имѣла всѣ признаки безпощадной мести и поставила въ исторію
 распорядителя казней Гайнау у поворота столба.

Побочный сынъ курфюрста гессенскаго, баронъ Юлій Гайнау
 былъ человѣкъ шестидесяти лѣтъ, высокій, тонкій, съ длинны-
 шими метлообразными бакенбардами (по которымъ его узна-
 вали), въ послѣдствіи рабочіе на заводѣ Барклай и Перкинса, гдѣ, какъ
 извѣстно, ему сдѣланъ былъ весьма горячій пріемъ), человѣкъ
 притомъ пользовавшійся всю свою жизнь самою дурною репу-
 тациєю. Фарлгаченъ фонъ-Энзе (Tagebücher X, 66, 256), служив-
 шій съ нимъ въ одномъ полку въ 1809 году, называетъ его про-

его на-просто шпиономъ на жалованьи у французовъ. Онъ посто-
 янно нуждался въ деньгахъ, проматывалъ свое состояніе. Своенрав-
 нно, никогда не ладившій съ начальниками, Гайнау получилъ
 въ отставку въ чинѣ фельдмаршаль-лейтенанта и выпросилъ себѣ съ
 оружіемъ разрѣшеніе отправиться въ 1848 году простымъ началь-
 никомъ полка въ Италію, гдѣ его и отличилъ Радецкій, назы-
 вавшій его «бритвою, которую послѣ употребленія ея надо при-
 чистить въ футляръ». Гайнау хвастался потомъ тѣмъ, что въ Ита-
 лии имя его стоить арміи; иными словами, что его какъ чорта
 боялся за его изобрѣтательность въ мученіяхъ (онъ носилъ еще
 другое прозвище—«гіены»). О впечатлѣніи, которое Гайнау оста-
 вилъ послѣ себя потомъ въ Венгріи, можно приблизительно су-
 дить по ѣдкимъ, юмористическимъ словамъ предсмертнаго памф-
 лета Сечени, писаннымъ черезъ 6 лѣтъ по смерти Гайнау, въ 1859
 году: «Бѣдняга, слѣпой и свирѣпый, какъ бульдогъ, котораго
 спускаютъ и науськиваютъ, онъ собственно и не зналъ, что онъ
 только высокопоставленный палачъ. Сдѣлавъ свое дѣло, превос-
 ходительный господинъ отправился путешествовать, и, несмотря
 на порку на заводѣ Барклай и Перкинса, все-таки не догады-
 вался, этотъ бравый рубака, что никто не выноситъ его запаха
 крови. Потомъ купилъ онъ имѣніице въ Венгріи и отправился,
 замаскировавшись мадьяромъ, съ визитами, но отъ него бѣгали,
 какъ отъ бѣшеной собаки. Только тогда, когда на его жильѣ па-
 душень былъ красный пѣтухъ, сталъ онъ смекать, что у него
 есть съ кѣмъ-то какіе-то расчеты.» Изъ отвѣта на ходатайство
 князя Паскевича за вилагошескихъ капитулянтовъ (23-го августа)
 можно было угадывать, что власть не расположена къ снисхож-
 денію. «Если бы я могъ слѣдовать влеченію сердца,—писалъ им-
 ператоръ,—то я бы покрылъ непроницаемымъ забвеніемъ прошед-
 шее, но я не могу забыть, что у меня есть священнѣйшія обязан-
 ности въ отношеніи къ другимъ народамъ, и что общее благо
 имперіи внушаетъ мнѣ соображенія, которыхъ я не могу терять
 изъ виду.» Имя Гайнау ручалось за суровость; сверхъ того, онъ
 былъ до ярости раздраженъ образомъ дѣйствій князя Паскевича,
 ставшаго русскимъ венгерской арміи, и горѣлъ желаніемъ выместить
 на венгерцахъ свое нерасположеніе къ русскимъ. Онъ имѣлъ од-
 ного терпѣніе выждать сдачу Коморна; тогда только, съ 6-го
 сентября, годовщины смерти Латура, по 28-е, произведены гур-
 томъ казни надъ множествомъ лицъ, въ значительной степени
 виноватыхъ. Большая часть этихъ лицъ полагали, что худшее
 время прошло; съ ними послѣ сдачи обходились на первыхъ по-
 рядкѣ довольно ласково, со всѣми снисхожденіями и облегченіями

(напр. съ генералами въ Арадѣ). Нѣкоторые провинились только въ томъ, что, служа въ венгерскомъ войскѣ, получили въ последнее время патенты на чины отъ Гѣргея, который отправленъ только въ Клагенфуртъ на жительство, или что они носятъ историческія имена. Въ Арадѣ повѣшено и разстрѣляно 13 генераловъ и штабъ-офицеровъ, въ томъ числѣ графъ Лейнпигеръ, родственникъ королевы Викторіи. Въ Пештѣ, въ громадной залѣ *Neugebäude* происходили ежедневныя экзекуціи венгерскихъ офицеровъ, министровъ и членовъ сейма. Первое мѣсто между казненными, по своему сану и своему прошедшему, занялъ бѣглый первый министръ, венгерскій графъ Людвигъ Батіани, 40-лѣтній, котораго кончина и до сихъ поръ юридически необъяснима и должна имѣть свои особыя тайныя причины, такъ какъ Батіани, законнымъ образомъ назначенный министромъ, получилъ точно такимъ же законнымъ образомъ отъ правительства въ Венгріи отставку, въ первыхъ числахъ октября, значить, до октябрьской революціи, и съ тѣхъ поръ не участвовалъ въ движеніи. Говорятъ, что ему не могли простить въ Вѣнѣ ни сцены 16-го марта 1848 года, когда, пріѣхавъ въ Вѣну для поднесенія императору Фердинанду пресбургскихъ требованій сейма, онъ сѣлъ въ присутствіи императора въ кресло и объявилъ, что не выйдетъ, пока не получитъ его подписи; ни того, какимъ образомъ онъ исторгъ у слабого императора, 10-го іюня 1848 г., въ Иннсбрукѣ, респектиръ, отставляющій Беллачича и требующій его къ суду. Не счастнаго Батіани обвинили на судѣ въ соучастіи въ убіеніи Ляпура. Такъ какъ, во избѣжаніе казни, онъ порѣзалъ себя жесточайшимъ образомъ, то, по заключенію врача о невозможности его вѣшать, возникъ вопросъ о замѣнѣ висѣльницы разстрѣливаніемъ. Гайнау нарочно ѣздилъ въ Вѣну противодѣйствовать замѣнѣ и былъ вѣ себя, когда его старанія не увѣнчались успѣхомъ; потомъ имъ было возбуждено слѣдствіе и противъ врача и противъ монаха, заподозрѣннаго въ доставленіи кинжала графу. Число приговоровъ, присуждавшихъ къ тяжкимъ наказаніямъ, въ приговорахъ военныхъ судовъ въ Арадѣ, Пештѣ, Пресбургѣ, Германштадтѣ, дошло съ конца 1849 по начало 1850 г. до 900.

Казни въ Венгріи нисколько не разрѣшали и не подвигали даже къ разрѣшенію венгерскаго вопроса. Вопросъ этотъ былъ не новый: много разъ австрійскіе монархи наталкивались на венгерскіе оппозиціи или мятежь, должны были давить ихъ и устанавливали на продолжительное время возможно прочныя отношенія между Венгріею и остальными своими владѣніями, въ которыхъ они были самодержавны. Казни входили конечно

программу побѣды, и памятенъ донынѣ кровавый эперіенскій судъ 1687 года .Леопольда I-го, который впиталъ усердно совѣтамъ, преподаваемымъ ему въ то время іезуитами: «reddere Hungariam miseram, deinde catholicam, denique germanicam». Леопольдъ I и его министры постарались конечно принизить Венгрію казнями—reddere miseram; не менѣе Шварценберга и его товарищей, они желали конечно ее и огатолечить, и онѣмечить. Но они были настолько люди государственные, что сообразовали цѣль со средствами и понимали, что нужно установить извѣстное преемство законнаго порядка, заставить побѣжденный народъ, въ виду оставляемаго ему сознательно и добровольно со стороны побѣдителя кончика, обрубка конституціи, если не помириться совсѣмъ съ своимъ положеніемъ, то остановиться до поры до времени на предоставляемомъ остаткѣ конституціи, какъ на исходной точкѣ, усвоенной обоими сторонами, какъ на добровольно принятомъ и потому обоюдно обязательномъ договорѣ. Когда какой-нибудь народъ побѣжденъ, а побѣдившее его правительство не надѣется въ конецъ его истребить, тогда побѣдителю только и остается одно средство избавиться отъ бѣды и хлопотъ въ будущемъ: дать добровольно побѣжденному тотчасъ послѣ побѣды средства жить, хотя съ трудомъ, не доводить его до отчаянія, и своими уступками, имѣющими видъ дара, создать въ самомъ побѣжденномъ народѣ свою правительственную партію. Это правило распространяется на всѣ государства, даже самыя централизованныя; но оно вдвое сильнѣе дѣйствуетъ въ обществахъ, которыя, подобно Австріи, по своему строенію своему обречены на федеративность. Создать австрійскую партію въ Венгріи было весьма легко; даже такой незамысловатый человѣкъ, какъ Виндишгрець, понималъ, что можно и устроиться съ магнатами, консерваторами, любителями стараго, людьми, для которыхъ движеніе 1848 года было ударомъ въ сердце. Подъ влияніемъ террора и пользуясь впечатлѣніемъ казней, можно было собрать сеймъ, заставить его проецировать революціонные законы 1848 года и даже до-мартовскую конституцію, въ духѣ согласованія ихъ съ новыми требованіями государственнаго единства. Тогда и память о законахъ 1848 года не воскресла бы, какъ не воскресли требованія сейма 1683 года .Леопольдъ I, а новое соглашеніе усвоено было бы столь же неизбежно и прочно, какъ *sanctio pragmatica* 1723 года, которую заставили сеймъ принять съ помощью вооруженной силы, но которая тѣмъ не менѣе составляетъ нынѣ одинъ изъ основныхъ венгерскихъ законовъ. Но отважные люди-дилеттанты, въ чьихъ рукахъ были судьбы Австріи, не стѣснялись преданіями

и были въ своемъ родѣ радикальны. Ихъ ненависть къ парламентаризму была столь велика, что не допускала, чтобы остались малѣйшія лохмотья отъ прежняго устройства. Среди экзекуцій вѣнгерскаго Арадѣ и Пештѣ обнародованъ былъ 17-го октября уставъ о временномъ управленіи Венгріи (все тогдашніе законы были временные), заключающій въ себѣ своего рода экзекуцію надъ Венгерією, какъ надъ лицомъ собирательнымъ, юридическимъ. Уставъ установилъ «органическую связь Венгріи съ имперією» въ духѣ единства имперіи, такъ какъ *«бывшая конституція края устранена (beseitigt) вслѣдствіе самой же революціи»*. Венгріи обещанъ особый органическій статутъ, по отказано во всякомъ особомъ положеніи, въ ущербъ оставшимся вѣрнопоподанными областямъ. Кроато-Славонія и Трансильванія признаны вполне самостоятельными, Воеводинѣ обещано соединеніе не съ Венгерією, а съ одною изъ коронныхъ земель, значить, Кроацією. Особая Словакія не была учреждена. Порядокъ управленія былъ дѣлаться простъ, — гражданское управленіе совпадало географически съ военнымъ; оно или сливалось въ однихъ рукахъ съ военнымъ, или было военному подчинено. Страна дѣлилась на 5 военныхъ округовъ (Militär-districte); эти военные округа подраздѣлялись каждый на 3 гражданскіе; каждый гражданскій округъ на уѣзды (Regierungsbezirke), соотвѣтствующіе прежнимъ комитатамъ, а каждый уѣздъ на участки, соотвѣтствующіе прежнимъ судебнымъ участкамъ (sedes judicaris). Въ видѣ уступки народнымъ востановленіямъ, поставлены надъ этими округами, уѣздами и участками чиновники отъ короны, именуемые по прежнему обер-генералами, старшинами комитатскими и управляющими судьями (Stuhlrichter), но вся власть сосредоточивалась въ рукахъ военныхъ окружныхъ комендантовъ, изъ которыхъ каждый охранялъ порядокъ и спокойствіе, опекалъ права національностей, разрешалъ и запрещалъ газеты (§§ 5, 6); а хотя для гражданскаго дѣла у каждаго коменданта былъ свой гражданскій, пристававшій къ нему въ помощь, комиссаръ, а при главнокомандующемъ такой же главный комиссаръ, баронъ Герингеръ, но эти комиссары сносились съ министерствомъ только при посредствѣ своихъ военныхъ начальниковъ. Инструкція, приложенная къ уставу, уничтожила однимъ почеркомъ пера то старинное комитатское самоуправленіе, основанное на реставраціяхъ, то-есть на выборахъ земскихъ должностныхъ лицъ комитатами, которое составляло вѣрный угольный камень конституціи и спасало Венгерію въ эпохи австрійскіе монархи на цѣлые десятки лѣтъ приостанавливали парламентское правленіе, не созывая сеймовъ. § 12 предписывалъ

обнародованіе всякихъ узаконеній на всевозможныхъ мѣстныхъ парламентскихъ и уничтожалъ преобладаніе мадьярскаго языка въ школахъ и церкви, но въ то же время § 13-мъ предписывалось обер-генераламъ вести переписку между собою и съ комендантами, а равно съ властями коронныхъ земель, исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Въ § 27 запрещалось строжайше терпѣть на службѣ, даже въ самыхъ низшихъ должностяхъ, лицъ политически неблагонадежныхъ. Наконецъ (§ 28), крестьянамъ повторено въ сотый разъ, что они свободны отъ барщины, по волѣ правительства, а помещикамъ внушено, что ихъ вознагражденіе посредствомъ выкупа зависитъ отъ спокойствія края и развитія производительныхъ силъ страны. Среди этого закрѣпляемаго на неопредѣленное время военнаго положенія послѣдовало въ декабрѣ событіе, сильно похожее на иронию и насмѣшку: по всей Венгріи опубликована имперская мартовская конституція имперіи на языкахъ нѣмецкомъ и мадьярскомъ. Правителей Австріи можно бы заподозрить въ томъ, что они сознательно пробовали, до чего можетъ дойти общественное легковѣріе, если бы въ то же время множество фактовъ изъ области административной не доказывали, что и министерство не имѣло еще никакого опредѣленнаго понятія о томъ, что оно предприметь съ этою конституцією въ ближайшемъ будущемъ; оно дѣлало попеременно то шагъ впередъ, то два назадъ; оно какъ будто бы работало въ одно и то же время и надъ отменою, и надъ исполненіемъ и консолидированіемъ конституціоннаго порядка. Приведемъ нѣсколько такихъ явныхъ противорѣчій изъ второй половины 1849 года.

По выходѣ изъ кабинета Стадіона и увольненіи Виндишгреца произошли нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ министерства: Бахъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, министромъ юстиціи сдѣлался возвратившійся изъ Франкфурта баронъ фонъ-Шмерлингъ, а портфель исповѣданій и просвѣщенія достался Льву Туну, который, несмотря на то, что былъ въ душѣ ультра-католикъ и поклонникъ іезуитовъ, возился съ проектами университетской реформы и, не имѣя смѣлости кинуться прямо въ обскурантизмъ и распинаться за іезуитскую ratio studentium, сочинялъ либеральные на видъ уставы, которые спиты были, почти все, по прусскому образцу: уставъ о гимназіяхъ, уставъ о учительскихъ испытаніяхъ, уставъ университетскій, въ которомъ расширена область корпоративной жизни ученаго сословія самоуправленія, допущеніемъ въ факультетскія собранія экстраординарныхъ профессоровъ съ правомъ голоса и даже доцентовъ, а также права участвовать въ голосованіи. Въ новыхъ уставахъ про-

водима была мысль, что надо поднять университеты, которые унижены были до степени простых школ при до-мартовском режимѣ. Университетъ вѣнскій обвлекъ призывомъ нѣсколькихъ знаменитыхъ людей на кафедры (Пуркинѣ, Ваксмутъ) и открытъ вновь 26-го ноября, послѣ долгаго перерыва. Министръ финансовъ Краузъ объявлялъ, въ сентябрѣ 1849-го г., не дѣлать новыхъ выпусковъ билетовъ національнаго банка и открылъ подписку на внутренній заемъ, «чтобы доставить *благонатраннымъ* людямъ возможность принять участіе въ излеченіи ранъ отечества». Въ томъ же объявленіи министръ, обнаруживая можно сказать наивно-дѣтскій взглядъ свой на условія денежнаго обращенія, сердился по поводу лажа и угрожалъ принятіемъ энергическихъ мѣръ, съ цѣлью положить конецъ проискамъ, которые избрали себѣ денежный рынокъ ареною. Существованіе лажа министръ объяснялъ такимъ образомъ, что враги государства и порядка, пользуясь корыстолюбіемъ и легковѣріемъ публики, распространяютъ тревожные слухи о бумажныхъ деньгахъ, поднимаютъ искусственно вексельный курсъ, мѣшаютъ обращенію и ставятъ въ затрудненіе государство. Вступленіе Шмерлинга въ кабинетъ возбудило нѣкоторыя надежды. Шмерлингъ заявилъ себя во Франкфуртѣ такимъ либераломъ, человекомъ настолько прямымъ, въ крайней мѣрѣ на словахъ, и настолько на видъ рѣшительнымъ, что невольно ставилась, по отношенію къ нему, дилемма: либо министерство не имѣетъ тѣхъ крайне реакціонныхъ намѣреній, которыя ему приписывали, что весьма сомнительно, либо Шмерлингъ перемѣнилъ вдругъ свои убѣжденія. Оказалось ни то, ни другое. Новый министръ въ общихъ вопросахъ не имѣлъ ничего новаго вѣса въ кабинетѣ, даже въ своей специальной области онъ былъ мало самостоятеленъ, держалъ себя такъ, какъ будто до него совсѣмъ не относилось то, что дѣлалось сообща, и работалъ надъ устройствомъ судебной части, въ которой не обошлось безъ сильно реакціонныхъ вставокъ, но тѣмъ не менѣе даже въ этихъ вставкахъ созидаемое было неизмѣримо выше введеннаго потомъ, послѣ Шмерлинга, порядковъ. Основаніями шмерлинговскаго судоустройства, введеннаго въ іюнѣ и іюль 1850-го г. въ коронныхъ земляхъ, были современные идеи: отдѣленіе судей отъ администраціи, отмена помѣщичьяго суда (патримониальнаго юрисдикціи), обвинительная форма процесса съ прокуратурою и адвокатурою и судомъ присяжныхъ для обыкновенныхъ гражданскихъ преступленій (съ начала революціи 1848 года судомъ присяжныхъ судились уже преступленія печати). Первое дѣло, осужденное присяжными докладывалось въ ноябрѣ 1850 года въ Цинциннати.

съ 15-го января 1851-го г. судъ присяжныхъ дѣйствовалъ въ Вѣнѣ съ великимъ успѣхомъ. Никто не подозрѣвалъ, что его смѣнятъ черезъ годъ. Единичные участковые судьи (Bezirksgericht), ландгерихты, оберъ-ландгерихты и кассационный судъ въ Вѣнѣ, образовали лѣстницу судебныхъ инстанцій; ландгерихты функционировали съ присяжными; оберландгерихтъ функционировалъ, какъ обвинительная камера. Наконецъ, что касается до ведомства министерства внутреннихъ дѣлъ, то нельзя сказать, чтобы оно бездѣйствовало; какъ ни подавливъ былъ Бахъ вліяніемъ реакціи аристократической и клерикальной, а все-таки въ немъ прорывался еще иногда неожиданнымъ образомъ прежній «баррикадный» министръ съ конституціонными пожеланіями и замашками. Онъ не гораздъ былъ либеральничать на дѣлѣ, но онъ не скупился иногда на либеральныя фразы. Всѣхъ удивилъ его циркуляръ 15-го августа, который стоило бы вездѣ, не только въ Австріи, но и у насъ начертать золотыми буквами: «чиновники обязаны слѣдить за теченіемъ жизни, быть въ общеніи съ политическою и гражданскою дѣятельностью, знать мѣстные народныя языки. Они имѣютъ самостоятельное положеніе, а потому ихъ призваніе состоитъ въ отстаиваніи участковыхъ (Bezirks), окружныхъ (Kreis) и земскихъ (Landes) представительствъ въ отношеніи къ правительству при общихъ мѣропріятіяхъ. Если правительство съумѣетъ внушить убѣжденіе, что оно озабочено тѣмъ, чтобы выработать начала конституціоннаго государства, а не тѣмъ, какъ бы уменьшить ихъ значеніе и силу сопротивленія, то оно должно снискать себѣ довѣріе. Чиновникамъ должно быть поставлено на видъ, чтобы они прислушивались въ общественному мнѣнію и проявленіямъ его въ печати и въ законенныхъ общественныхъ собраніяхъ. Партіямъ, стремящимся къ разрушенію законнаго порядка, надо противодѣйствовать, но лишь законными мѣрами. Въ странѣ, въ которой общественная дѣятельность сосредоточена была долгое время въ одномъ правительствѣ, администрація обязана опережать ожиданія на конституціонномъ пути». Въ то же самое время (29-го октября), или лучше сказать о земскихъ учрежденіяхъ, до введенія новыхъ властей мѣстнаго управленія, а въ устройствѣ органовъ управленія въ областяхъ онъ, вопреки своимъ убѣжденіямъ, допустилъ въ пользу аристократіи страшныя уступки, совершивъ противныя интересамъ не только конституціоннаго, но и самодержавнаго унитарнаго государства, котораго идеалъ долженъ былъ носиться передъ глазами и его и Шварценберга. Въ ста-

рипной Австріи, представлявшей собою кучу земель, состоящихъ каждая на особыхъ правахъ подѣ общую державою одного государя, каждая земля имѣла своего намѣстника, который былъ представителемъ государя и его alter ego. Эти намѣстники изъ самопородистой знати сообщались съ государемъ помимо министровъ, вотъ почему Стадіонъ и предлагалъ ихъ упразднить какъ лишнюю спицу въ колесницѣ, поставивъ крупными единицами нашего порядка въ мѣстномъ управленіи одни округа (Kreise), а не историческія области. Бахъ вернулся къ старому и ввелъ участковыхъ пачальниковъ съ ихъ совѣтами (Bezirkshauptleute), председателей округовъ (Kreispräsidenten), съ ихъ совѣтами и намѣстниковъ (Statthalter) съ ихъ совѣтами, причемъ въ цѣлой организаціи сквозила та мысль, что главное въ ней—реакція, а централизація стоитъ на второмъ планѣ, и что централизація осуществляется настолько, насколько она не очень противна корпоративнымъ интересамъ духовенства и кастовымъ—знати. Въ одномъ только направленіи событія развивались съ неудержимой силою и работа подвигалась независимо отъ воли и даже поминволи гдасти—а именно по освобожденію крестьянъ и по паденію ихъ земель; но и эта работа шла не равномерно, въ иныхъ мѣстахъ успѣшнѣе, въ иныхъ медленнѣе, гдѣ ее тормозили враждебныя вліянія. Всего сходнѣе оцѣнены были крестьянскія надѣлы и опредѣлены оброки въ Богеміи и Моравіи въ июлѣ 1849-го г., когда опасались вторженія туда арміи Гѣргея. Менѣе удачно шло регулированіе отношеній крестьянъ съ помѣщиками въ эрцгерцогствѣ Австріи и нѣмецкихъ земляхъ, гдѣ внѣ опеки остались и вошли въ выкупъ церковныя десятины. Наконецъ, всего тяжелѣе крестьянамъ пришлось въ Венгріи, гдѣ конституцiйскій парламентъ пожаловалъ крестьянамъ ихъ участки даромъ, и въ Галиціи, гдѣ помѣщики вовсе не отличались преданностью правительству. Въ Венгріи выкупы вышли вдвое больше нежели въ Богеміи, что, конечно, пошло впрокъ оппозиціонистамъ, консерваторамъ, магнатамъ и доставило имъ неожиданно многіе лишніе милліоны. Въ Галиціи намѣстникъ графъ Голуховскій успѣлъ оттянуть разводъ и разграниченіе помѣщиковъ съ крестьянами до 1853-го года, причемъ многіе вопросы о пастбищахъ, лѣсахъ, продажводки совсѣмъ не были затронуты. Изъ существующихъ министерствъ предположено (24-го октября) упразднить одно, именно военное, которому оставлены пока только дѣла и отношенія экономическія, вся же инспекторская часть, расположенная войска и ихъ движеніе подчинены особому Armee-Ober-commando, а также самому государю непосредственно и лично, а такъ какъ

государь не управлялъ еще, то князю Шварценбергу, помимо кабинета. Это Armee-Ober-commando завѣдывало арміею, раздѣленною на 4 генеральныхъ команды, подраздѣляющіяся на 14 корпусовъ. Легко понять громадное значеніе такого сосредоточенія военной власти, если принять въ соображеніе, что двѣ трети имперіи состояли въ то время на осадномъ положеніи.

Приведенныхъ фактовъ достаточно для характеристики хаоса. Общее впечатлѣніе внутренняго обзоренія государства въ послѣдніе дни первой половины XIX в. могло бы быть изображено слѣдующими чертами. Главное направленіе духа времени рѣшительно реакціонное, кое-гдѣ оазисами на поверхности держатся люди и учрежденія прежней эпохи движенія. Въ совѣтѣ министровъ никакого единства, никакихъ общихъ принциповъ, каждый министръ тянулъ въ свою сторону и бывалъ «внѣ себя» отъ того, что дѣлаютъ его товарищи, вслѣдствіе чего при повтореніи этой фразы, почти стереотипной, въ публикѣ ходилъ шуточный вопросъ: «когда же они бывають у себя?» Во главѣ министерства дилетантъ-политикъ, своенравный, причудливый, до безумія гордый, который по недостатку положительнаго знанія людей и отношеній выдался очертя голову въ невозможныя предпріятія съ самоувѣренностью, имѣвшею въ глазахъ профановъ всѣ признаки гениальности. Главная руководящая мысль политики была централизація, объединеніе посредствомъ абсолютизма. Абсолютизмъ въ исторіи дѣлалъ порою чудеса, бывалъ посетелемъ прогресса, но, разумѣется, не этотъ абсолютизмъ былъ въ ходу, а другой—военно-бюрократически-клерикальный, превосходно уживающійся съ испанскими финапсами, со всякаго рода привилегіями и смиренно подчиняющій государство церкви. Когда набитые на государство желѣзные обручи военного строя были вполнѣ сшиблены неудачами итальянской кампаніи, обнаружилось, что система объединенія ничего не создала, а многое испортила, и что зданіе разваливается по кускамъ. Бюрократія не имѣла достаточно смѣлости, чтобы разбить бывшія земскія, историческія единицы, переизмѣнить ихъ и сгладить ихъ границы, но она умѣла раздражить до послѣдней степени и вооружить противъ правительства всѣ бѣсы исключенія національности, не привязавъ къ себѣ ни одной. Польша, арестовавшая и ссылавшая множество людей безъ суда, была не въ силахъ справиться съ какимъ-нибудь высокорожденнымъ барономъ, для котораго законъ не писанъ, заставить знатнаго домовладѣльца исполнять санитарныя правила или взыскать съ помѣщика систематически неплательмыя недоимки. Прибавимъ къ тому полную уступчивость всякому церковному авторитету, нако-

нецъ, еще одну черту: многописание, сочинение безчисленныхъ уставовъ и проектовъ, безъ всякой нужды и съ полнымъ сознаниемъ, что они не будутъ введены, или ихъ отмѣнять тотчасъ-же послѣ введенія. Къ концу года совершенное усмирение Венгрии отразилось и на коронныхъ земляхъ въ повсемѣстномъ усиленіи духа реакціи въ стѣсненіи прессы, въ наклонности къ большому и большому умственному заустѣнію при усиленной работѣ внѣшней регламентации, неизбѣжной послѣ такихъ ломокъ, которыя произведены въ два послѣдніе года. Такимъ образомъ, когда по истеченіи двухъ другихъ лѣтъ отмѣнена, въ концѣ 1851 г., формально конституція 4-го марта 1849 г., тѣмъ же министромъ, который ее скрѣпилъ, подобная отмѣна того, что никогда не существовало на дѣлѣ, принята была всѣми какъ самое естественное и самое простое событіе.

IV.

Отмѣна конституціи 4-го марта.—Смерть Шварценберга.

Судя по газетамъ, князь Феликсъ Шварценбергъ въ исторіи дипломатіи европейской начала пятидесятихъ годовъ былъ едва-ли не первое лицо. Онъ импонировалъ своею дѣятельностью, находчивостью, высокоумнымъ и рѣшительнымъ тономъ своихъ требованій, готовностью ссылаться на сильнѣйшій аргументъ—оружіе. Общевропейскимъ вопросомъ былъ тогда тайный антагонизмъ Шварценберга и лорда Пальмерстона и явная антипатія Австріи съ Англіею, изъ которыхъ послѣдняя поддерживала итальянскіе стремленія къ независимости и давала у себя великолѣпное гостеприимство Кошуту и изгнанникамъ венгерцамъ. Въ шахматной игрѣ политики германскихъ государствъ, самые смѣлые ходы принадлежали Шварценбергу, въ сравненіи съ которымъ министры иностранныхъ дѣлъ Пруссіи Мантейфель должны были казаться крайне слабымъ, неблестящимъ и уступчивымъ, а между тѣмъ вся эта политика, блестящая и исполненная задора, не привела ни къ какимъ результатамъ и оказалась крайне безплодною. Ни одинъ изъ замысловъ Шварценберга не осуществился, напротивъ того, при всей уступчивости и нерѣшительности прусской дипломатіи, она не сдѣлала въ сущности въ главныхъ вопросахъ ни одного промаха. Своєю уклончивостью, предоставленіемъ Австріи чести почива во всѣхъ почти реакціонныхъ предпріятіяхъ, съ себя позднѣйшее свое наступательное движеніе, кончившееся Кениггрецомъ, Садовою, и учрежденіемъ Северо-Германскаго Союза

Обѣ державы сходились въ 1850 г. самымъ искреннимъ образомъ въ реакціи, которая была у нихъ первымъ дѣломъ, а затѣмъ уже вторымъ явилось соперничество ихъ изъ-за преобладанія въ Германіи. Во всѣхъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью подавленіе революціи, Австрія съ Пруссіей были заодно. Въ то самое время, когда русскія войска вступали въ Венгрію (22 іюля 1849 г.), Шварценбергъ добивался того, чтобы участвовать вмѣстѣ съ прусскими войсками въ усмиреніи революціоннаго движенія въ Баваріи и выражалъ въ нотѣ сожалѣніе, что въ этомъ дѣлѣ обходилось безъ Австріи. Обѣ державы очень мало заботились о Германіи и ея интересахъ, а помышляли только о томъ, какъ бы имъодѣе устроиться въ Германіи, въ видахъ чисто династическихъ. Пруссія мечтала о *меншемъ, тѣснѣйшемъ или ограниченномъ союзѣ* (das engere Bund, union restreinte), о группированіи вокругъ себя въ одну федерацію, съ легкою примѣсью парламентаризма, германскихъ государствъ, кромѣ Австріи, въ границахъ создавшаго Пруссіею *вольфрейна*, въ который предполагалось включить государства отдѣльнаго *Steuerverein'a*, особаго, меньшаго таможеннаго союза, образуемаго Ганноверомъ, Ольденбургомъ и Шаумбургъ-Липпе. Австрія, разорвавъ связь съ парламентомъ, стремилась къ осуществленію, посредствомъ переговоровъ съ германскими правительствами, 70-милліонной федераціи подъ своимъ предсѣдательствомъ. Ни та, ни другая идея не удовлетворяла второклассныхъ державъ, которыя своимъ массивнымъ сопротивленіемъ и той и другой содѣйствовали простому возстановленію прежней, старой, ржавой и неуклюжей конституціи Германскаго Союза 1815 г. Сама слабость союзной связи въ этой конституціи приносила въ то время извѣстную долю пользы, потому что при ней общія реакціонныя мѣры не могли быть ни послѣдовательны, ни рѣшительны. 30 сентября 1849 года, по соглашенію Австріи съ Пруссіею, эрцгерцогъ Іоаннъ сложилъ свое имперское регентство и центральная власть перешла имъ была временно Австріи и Пруссіи сообща, но 1 мая 1850 года. Въ началѣ 1850 года собрался съѣздъ прусскихъ унионистовъ въ Эрфуртѣ, но въ пику ему Австрія созвала въ началѣ 1850 года во Франкфуртѣ всѣ германскія государства въ старинный *Бундестагъ*. Какъ только съѣхался въ сентябрѣ 1850 года этотъ сеймъ, въ который явились всѣ четыре меньшія королевства (Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія), оба Гессена и множество другихъ, и не явилась одна только Пруссія, прибликло на этомъ сеймѣ дѣло Гессенъ-Кассельское, послужившее поводомъ раздора между двумя соперниками. Гессенъ-Кассель-

скій министр Гассенпflugъ, борясь съ конституціонною партией, которая отказывала правительству въ податяхъ, просилъ сеймъ вооруженномъ содѣйствіи для союзной экзекуціи, но въ то время, какъ союзныя войска вступали въ курфюршество, Пруссия ввела туда же и свои военныя силы, для совмѣстнаго разрѣшенія вопроса съ цѣлью собственно тою же, съ какою и Союзъ, а именно, «для поддержанія авторитета власти и монархическаго принципа». Миръ висѣлъ на волоскѣ, съ обѣихъ сторонъ начались сильныя вооруженія, сосредоточенія войскъ, были схватки и обмѣны выстрѣловъ между австрійцами и пруссаками на пограничьяхъ; но вдругъ гроза прошла, Мантѣйфель приехалъ въ Ольмюцъ 29 ноября 1850 г., имѣлъ свиданіе съ Шварценбергомъ, уступилъ по всѣмъ почти пунктамъ спора, согласился на выдачу австрійцамъ крѣпости Рапштадта, на занятіи Гамбурга, на очищеніе отъ пруссаковъ Гессена. Одно только условіе поставлено Пруссіею и принято Австріею: въ Ольмюцкой конвенціи, составлявшей на видъ дипломатическую побѣду Шварценберга, рѣшено, что откроются въ Дрезденѣ дипломатическія конференціи о способахъ возстановленія союзнаго сейма и о способахъ разрѣшенія вопросовъ Гессенскаго и Гольштейнскаго посредствомъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ союзныхъ государствъ, значить въ томъ числѣ и Пруссіи. На дрезденскія конференціи, которымъ предшествовала поѣздка Шварценберга въ Берлинъ, которыя живо шли въ январѣ и февралѣ 1851 г., и достигли до 15 мая, Шварценбергъ явился съ полною вѣрою въ успѣхъ съ надеждою осуществить идею, составлявшую его конекъ, а именно, ввести Австрію со всѣми ея славянами, итальянцами и мадьярами, въ полномъ ея составѣ въ Германскій Союзъ. Безсмысленна была рѣчь его, открывшая конференцію, о необходимости усилить центральную власть Союза, въ виду необходимости дать дружный отпоръ демагогіи и революціи; но когда дошло до практической разработки задачи и когда обнаружилось, что Шварценбергъ стремится къ тому, чтобы совсѣмъ исключить изъ союзнаго совѣта, имѣющаго исполнительную власть, всѣ мелкія государства, составлявшія главную силу прусской партіи въ Германіи, и допустить только второстепенныя, болѣе крупныя державы, всегда тянувшія сильнѣе къ Австріи, нежели къ Пруссіи; когда не только Пруссія не согласилась, по Великобританія и Франція заявили формальные протесты противъ нарушающаго равновѣсіе Европы введенія всей австрійской имперіи въ Германскій Союзъ; когда, наконецъ, и сама Россія высказалась въ этомъ проектѣ неодобрительно, — проектъ этотъ провалился,

настоящую Пруссіи и мелкихъ пѣмецкихъ державъ и ко всеобщему удовольствію государствъ, гарантировавшихъ трактаты 1815 г. Дрезденскія конференціи кончились прямымъ, безъ всякихъ переговоровъ, возстановленіемъ до-мартовскихъ учреждений и Бундестага во Франкфуртѣ, съ пленумомъ въ 70 голосовъ, и 17-членнымъ союзнымъ совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ Австріи. Неудача великогерманскихъ затѣй была полная, Мантѣйфель расквитался съ Шварценбергомъ за ольмюцскую конвенцію, пораженія не пережили тѣ празднества и то великолѣпное приѣма, съ которыми въ Ольмюцѣ въ послѣднихъ дняхъ мая монархъ австрійскій со всѣми сановниками и министрами, кромѣ Баха, угощалъ русскаго императора. Свиданіе ольмюцское не скрѣпило, а скорѣе разладило личныя отношенія монарховъ. Чѣмъ больше Шварценбергъ чувствовалъ себя въ долгу передъ Россіею, тѣмъ больше избѣгалъ онъ казаться обязаннымъ и, конечно, помышлялъ о томъ, что когда-нибудь Австрія удивитъ Европу своею неблагоустроенностью.

Послѣ совершеннаго крушенія, которому подверглись честолюбивыя замыслы Шварценберга на поприщѣ политическомъ въ дѣлѣ объединенія Германіи подъ знаменемъ Австріи, онъ, не оставая отъ этой идеи, началъ ее преслѣдовать инымъ путемъ на поприщѣ торговомъ и экономическомъ, причемъ его увлекъ прирѣчь той же Пруссіи, которая своимъ цольферейномъ умѣла достигнуть замѣчательныхъ политическихъ результатовъ. Задача состояла въ созданіи по инициативѣ Австріи такого таможеннаго союза, который бы оцѣнилъ одною таможенною цѣнью и всю Германію, и всю австрійскую имперію, то-есть опять воспроизвелъ бы любимую мечту о 70-милліонномъ цѣломъ. Кругъ понятій, которыя затронула эта сторона внѣшней политики Шварценберга, былъ столь рѣзко противоположенъ общему направленію его дѣятельности; благотворные результаты, достигнутые въ дѣлѣ Австріею чрезъ торговый трактатъ съ Германіею, были столь не похожи на то, чего Шварценбергъ добивался всю жизнь, что необходимо приходится остановиться на слѣдующемъ предположеніи. Ломавъ китайскую стѣну запретительной системы, образовавшей Австрію въ промышленномъ отношеніи на полный застой и стараясь ввести Австрію въ общеніе съ Германіею, которая стояла на высшей степени промышленнаго развитія, Шварценбергъ самъ не вѣдалъ, что творилъ, и всѣ хорошіе результаты дѣла явились помимо его воли и желаній. Для объясненія страданій Австріи, заключающейся въ томъ, какъ могъ Шварценбергъ — предводитель реакціи, быть поборникомъ такой прогрессивной идеи,

какъ свобода торговли, необходимо вспомнить, что подлѣ Шварценберга находился высоко-талантливый человекъ, министр торговли, промышленности и общественныхъ построекъ, Брукъ, который, служа идеѣ свободной торговли, прилагивалъ ее къ мыслямъ Шварценберга о преобладаніи Австріи въ Германіи. Брукъ былъ лицомъ настолько замѣчательнымъ въ экономическомъ развитіи Австріи послѣ революціи 1848 года, что на него необходимо подольше остановиться.

Карль-Людвигъ Брукъ, эльберфельдецъ (родился 1798), сынъ переплетчика, самъ былъ книгопродавцемъ въ Боннѣ, обанкротился и переселился въ Австрію, въ Триестъ, съ намѣреніемъ отплатиться волонтеромъ въ Грецію сражаться за ея независимость. Въ Триестѣ дѣла его однако поправились посредствомъ богатой женьбы; онъ сталъ заниматься торговыми оборотами и основалъ общество торговли и пароходства «Австрійскій Lloyd» (1833), котораго быстрые успѣхи обратили на него вниманіе правительства и сблизили его съ Стадіономъ. Брукъ засѣдалъ въ 1848 во франкфуртскомъ парламентѣ и по рекомендаціи Стадіона призванъ былъ въ кабинетъ, образуемый подъ предсѣтельствомъ Шварценберга, гдѣ присутствіе его рѣзало, такъ сказать, глаза, потому что онъ былъ человекъ не того десятка — публичей, иностранецъ и протестантъ. Ему помогало, конечно, держаться на трудномъ посту то, что авторитетъ его, какъ спеціалиста по своей части, былъ весьма великъ и что онъ самъ благоразумно и осторожно старался, не заходя въ высшую политику, держаться въ границахъ своей спеціальности, въ заботахъ объ одномъ только развитіи производительныхъ силъ имперіи безъ всякаго соотношенія къ формѣ правленія, конституціонной или самодержавной, и къ господствующему направленію, либеральному или обскурантски-клерикальному. Вслѣдствіе того и могъ онъ функционировать при Шварценбергѣ, какъ министр торговли, при Бахѣ, послѣ конкордата, и даже послѣ Баха, по заключеніи Виллафранкскаго мира, когда созданный десятилѣтнею реакціею порядокъ распался кусками.

Какъ ни былъ гибокъ умъ Брука, а все-таки привычка уступать, приноровляться, проводить свои взгляды контрабандно под знаменемъ реакціонныхъ цѣлей, посредствомъ натяжекъ и сфизмовъ, не могла не умалить нравственнаго достоинства человека и не испортить его характера. При всей необычайной ясности его ума, душа у него была посредственная и мелкая; въ сущности онъ оказался такимъ же, какъ и другіе честолюбцы, искавшаго телемъ портфеля, готовымъ на всякія уступки, даже на отступ-

ничество отъ своего проплага. Чѣмъ дальше подвигался онъ въ своей министерской карьерѣ, тѣмъ рѣзче обозначалось это наде- билъ играть роль отъявленнаго абсолютиста, хвастать пренебре- женіемъ къ общественному мнѣнію и гласности, насилувавъ это общественное мнѣніе, то запрещая газетамъ разбирать отчеты финансовъ, вопросы государственнаго бюджета, то заставляя ихъ печатывать тѣ или другія купленные похвалы австрійскимъ финансамъ и министерству изъ англійскихъ и французскихъ газетъ. Онъ выпустилъ негласно 111 милліоновъ гульденовъ обли- гаций внутренняго займа, непоказанныхъ въ отчетѣ національ- наго банка, утайка, которая обнаружилась послѣ виллафранкскаго мира и была немалымъ для всѣхъ сюрпризомъ. Возможность открытія подобныхъ сюрпризовъ заставила его стать подъ конецъ въ ряды ярыхъ противниковъ конституціонной жизни: «А вы, писатели, хотѣли бы считать правительство на каждый грошъ», сказалъ онъ передъ итальянскою войною въ конфиденціальномъ со- браніи нѣсколькихъ приглашенныхъ имъ корифеевъ общественнаго мнѣнія, когда бывший министръ доббльгофовскаго министерства Шварцеръ замѣтилъ, что безъ парламента нѣтъ спасенія для Австріи. Говорятъ, что въ 1859 г., послѣ бурнаго засѣданія совѣта ми- нистровъ подъ предсѣдательствомъ императора (22 октября), за- ставляя, рѣшившаго отставку министра Гюбнера, этотъ послѣдній, условившійся съ Брукомъ заодно стоять или пасть, обратился къ Бруку съ вопросомъ: «а что же вы, г. баронъ?» тогда Брукъ отвѣчалъ патетически: «я какъ солдатъ долженъ до конца выдер- жать на моемъ посту.» И выдержалъ онъ до конца, до грязнаго Швабтеновскаго процесса о поставкахъ, до скандальнаго увольне- нія отъ должности министра 22 апрѣля, послѣ чего 23 утромъ онъ валялся въ кровати съ перерѣзаннымъ горломъ. Каковъ ни былъ Брукъ, Австрія ему обязана многимъ. Мастеръ своего дѣла, онъ шибко и ловко закрѣпилъ несполна въ три года (1849 — 1851) новыми законами главныя экономическія приобрѣтенія ре- волюціи, пресѣкъ возможность старымъ учрежденіямъ и поряд- камъ, мѣшавшимъ экономическому развитію Австріи, немедленно начать сомкнуться, спаяться, задрѣзать свои брешь и остановить теченіе жизни, прорывшей себѣ между тѣмъ новые пути. Силь- ные интересы были задѣты при передѣлкѣ экономическихъ усло- вій быта страны, при превращеніи его изъ изолированнаго и отсталого земледѣльческаго государства въ фабричное и торговое. Старые фабриканты жаловались на то, что они неизбежно ра- зоряются; помѣщики-владѣльцы фабрикъ тѣмъ съ большою силою

отставали высокій тарифъ, какъ свое неотъемлемое право, ихъ источники доходовъ были подрѣзаны освобожденіемъ крестьянъ. Первымъ важнымъ дѣломъ Брука было упраздненіе (съ 1-го іюля 1851 г.) внутренней таможенной линіи, отдѣлявшей венгерскія отъ коронныхъ областей, причемъ, конечно, главнымъ господствующимъ мотивомъ было политическое объединеніе имперіи, съ уничтоженіемъ слѣдовъ самобытности Вепгріи. Предприняты были работы надъ передѣлкою тарифа, въ смыслѣ существеннаго пониженія таможенныхъ пошлинъ на всѣ почти товары. Работы эти совпадали съ приготовленіями къ дрезденскимъ конференціямъ и должны были служить введеніемъ къ *Zollverein* — то-есть, къ проектированному таможенному объединенію Австріи съ Германіею. Бруку досталась по должности незавидная должность: согласуя свои прогрессивныя стремленія съ реакціонными замыслами Шварценберга, облекать фритредерскія идеи въ туманно-неясной германской политики князя, прибѣгать къ софизмамъ и сочинять абсурды. Такихъ абсурдовъ много въ двухъ меморіалахъ Брука, которыя были сообщены на разсмотрѣніе германскимъ правительствамъ, одна 30-го декабря 1849-го г., другая 30-мая 1850-го г. Всякій согласится, что есть порядочная доза нелѣпости въ слѣдующихъ соображеніяхъ, которыми поддерживается было Брукомъ предложеніе передать таможенное законодательство союзному совѣту изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ: «Свободы торговли и протекціонизма», — писалъ Брукъ, — не суть вовсе несомнимые контрасты. Борьба между ними разрѣшается удовлетворительно австро-германскимъ таможеннымъ соединеніемъ, которое одинаково удовлетворяетъ какъ одному, такъ и другому принципу. Чѣмъ меньше государство, тѣмъ нужнѣе ему свобода торговли, тѣмъ тягостнѣе протекція; но чѣмъ обширнѣе свойственный рынокъ, чѣмъ больше внутренняя конкуренція, тѣмъ невозможнѣе монополія, тѣмъ ниже цѣны и тѣмъ больше способность конкурировать на всемірномъ рынкѣ». Какъ тогда, подъ такое простое дѣло, какъ таможенное, стали подкладываться неясныя политическія идеи, имѣвшія конечною цѣлію гегемонію Австріи, со всѣми ея славянами и мадьярами, въ средѣ Германіи понятно, что къ этому дѣлу должны были отнестись крайне подозрительно германскія государства, и ни на дрезденскихъ конференціяхъ, ни на другихъ, собиравшихся специально по вопросу объ установленіи таможенныхъ и торговыхъ трактатовъ, австрийское правительство не достигло никакихъ практическихъ результатовъ.

Тогда Мантѣйфелю въ его шахматной игрѣ съ Шварценбергомъ удалось сдѣлать капитальный ходъ, разстроившій всю партію противника. Пруссія, какъ извѣстно, стояла во главѣ Таможеннаго Союза нѣмецкихъ государствъ, имѣвшихъ въ совокупности до 29 милліоновъ жителей; между участвующими въ этомъ Союзѣ таможенные доходы и издержки дѣлились пропорціонально числу жителей. Соглашеніе о Таможенномъ Союзѣ было срочное и прекратилось съ 1 января 1854, еслибы не было возобновлено. Кромѣ этого *Zollverein*'а существовалъ *Steuerverein* сѣверогерманскій, ганноверско-ольденбургскій, въ 2 приблизительно милліона жителей. Не спрашивая своихъ соучастниковъ въ *Zollverein*'ѣ, Пруссія, сдѣлавъ весьма значительныя денежныя уступки, заключила трактатъ 7-го сентября 1851 г. о вступленіи *Steuerverein*'а въ таможенный союзъ съ Пруссіею и ея *Zollverein*'омъ, если таковой будетъ существовать съ начала 1854-го года; но такъ какъ этотъ трактатъ заключенъ былъ помимо соучастниковъ въ *Zollverein*'ѣ, то прусское правительство заявило этимъ соучастникамъ, что оно не будетъ настаивать на возобновленіи трактата о *Zollverein*'ѣ, иными словами Пруссія предложила контрпартію, если это имъ невыгодно, разойтись не возобновляя договора. Политическое значеніе подобнаго заявленія было громадное: укрѣпивъ свое преобладаніе на сѣверѣ отъ Майна, Пруссія предоставила государствамъ южнѣе Майна ходатайствовать о возобновленіи союза, ради ихъ же собственныхъ выгодъ. Разсчетъ былъ смѣль, но вѣренъ. Хотя Шварценбергъ открылъ въ январѣ 1852-го г. таможенный конгрессъ, на который прибыли представители всѣхъ германскихъ государствъ, кромѣ Пруссіи, но соединеніе таможенное съ Австріею во главѣ не состоялось, а въ выходомъ изъ министерства Брука (май 1851 г.) Шварценбергъ лишился единственнаго человѣка, который могъ ему помогать въ этомъ сложномъ дѣлѣ. Оно ограничилось съ тѣхъ поръ весьма секретными переговорами со второстепенными государствами: Баваріею, Саксоніею, Виртембергомъ, на случай если Пруссія либо не согласится на таможенное соединеніе, *Zollverein* либо потребуетъ такихъ низкихъ пошлинъ, которыя были бы противны «нуждѣ въ протекціи, испытываемой промышленностью». Но каковы бы ни были желанія германскихъ правительствъ, имъ приходилось считаться съ управляемыми, а общественное мнѣніе населеній оказало такой стойкій, сильный и дружелюбный отпоръ идеѣ о разрѣшеніи и прекращеніи *Zollverein*'а, что пришлось, во что бы то ни стало, его возобновить. Въ томъ же январѣ 1852 г., въ которомъ умеръ Шварценбергъ, открылись

берлинскія конференціи о продолженіи Zollverein'a. Австрія, дивившись въ бесполезности своихъ усилій привлечь на свою сторону германскія государства посредствомъ оторванія ихъ отъ Пруссіи, вступила въ прямые переговоры съ Пруссіею, для чего въ концѣ 1852 года отправленъ былъ Брукъ въ Берлинъ. Вопросъ теперь стоялъ уже на чисто-экономической почвѣ, и него были выдѣлены прежнія политическія затѣи. Плодомъ переговоровъ и былъ знаменитый торговый и таможенный трактатъ 19-го февраля 1853 года, между Австріею и Пруссіею, къ которому вскорѣ потомъ, 4-го апрѣля 1853 года, приступили и другие государства Zollverein'a. Австрія была положительно въ выигрышѣ, какъ отъ дипломатическихъ переговоровъ по таможенному вопросу такъ и отъ трактатовъ 1853 года. Первая выгода была та, что во время дипломатической кампаніи совершилось внутреннее преобразование системы, изъ запретительной въ протекціонную. Прозирая ни на сѣтованія богемскихъ и чехскихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, несмотря ни на какія оппозиціонныя заключенія германскихъ палатъ и экспертовъ изъ промышленниковъ, Брукъ энергично и сильно подвинулъ впередъ работу пересмотра тарифовъ и рѣшилъ отмѣну всѣхъ почти запрещеній ко ввозу, отмѣну и пониженіе пошлинъ на сырье, громадное пониженіе пошлинъ на издѣлія. Изданный 6-го ноября 1851 года тарифъ есть главнымъ образомъ произведеніе Брука. Трактаты 1853 года еще уменьшили пошлины съ товаровъ по германской границѣ на всѣ почти издѣлія на 25 — 50% противъ австрійскаго тарифа 1851 года. Тарифу 1851 г. и трактатамъ 1853 года Австрія обязана быстрыми успѣхами своей промышленности въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ — успѣхи мирные и совсѣмъ независимыя отъ честолюбивыхъ замысловъ и стремленій къ осуществленію великогерманской идеи Шварценберга, потерпѣвшей основательное крушеніе.

Отъ внѣшней политики перейдемъ къ внутренней. Рокоче почти необходимость, сила вещей, логика событій заставляли государство применить тѣснѣйшимъ образомъ къ церкви и поставить церкви самое широкое и непосредственное вліяніе на государственную жизнь. Военная сила не могла служить для общества постоянной, нормальною точкою опоры; бюрократія сама по себѣ есть только гибкій механизмъ, направляемый въ ту или другую сторону по произволу. Всякое правительство, если оно желаетъ существовать, должно искать поддержки въ нравственныхъ силахъ общества, въ умахъ людей и ихъ наклонностяхъ и привычкахъ; поддержку могутъ ему доставить либо свобода, знаніе, критика,

либо преданіе и авторитетъ. — Ни одна страна въ Европѣ не представляла лучшаго, нежели Австрія, образца полнѣйшаго разрыва между властью и авторитетомъ, которое вросло въ почву безчисленными злоупотребленіями и всю жизнь общественную держала подъ своею сѣнью. Независимо отъ испанскаго происхожденія своихъ монарховъ, Австрія, въ теченіи всего времени отъ конца среднихъ вѣковъ и до XVIII в., занята была главнымъ образомъ только двумя задачами: служить оплотомъ западному христіанству противъ магометаньщины и блюсти единство римско-католической вѣры противъ протестантизма. При такомъ прошедшемъ понятно, почему Австрія представляла въ XIX-мъ в. царство непробуднаго застоя; когда она проснулась въ 1848 г., это потрясеніе и всѣ ужасы безначалія нанесены были людьми реакціи на счетъ безвѣрія, ослабленія религиознаго авторитета въ умахъ, распущенности. Люди реакціи и воспользовались обратившимся къ римско-католической церкви, какъ къ единственному, обладающему всѣми тайнами такой дрессировки наемныхъ массъ, которая бы защищала эти массы отъ искушеній и наветовъ духа вѣка. Римская церковь въ свою очередь по принципу своему и преданіямъ имѣетъ притязанія, несовмѣстимыя съ понятіемъ современнаго государства; мы уже видѣли съ какою настойчивостью и упорствомъ непомѣрными требованіями обратился въ 1849 году мѣстный австрійскій соборъ или сѣздъ епископовъ къ правительству, поручивъ переговоры съ правительствомъ избранному изъ среды своей комитету. Министерство не было расположено уступить, Бахъ колебался, Шмерлингъ ссылался на необходимость равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій и помышлялъ о разрѣшеніи гражданскихъ браковъ и, несмотря на то, всѣ требованія епископовъ были удовлетворены особымъ, непримѣрнымъ до того времени способомъ, личнымъ непосредственнымъ изъявленіемъ воли государя посредствомъ особыхъ рескриптовъ его къ безусловно-преданному иезуитамъ министру просвѣщенія и исповѣданій, Льву Гуцу. Въ этихъ рескриптахъ предположено полное и совершенное осуществленіе заключеній собора епископовъ и предписана немедленная подготовка вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ необходимо войти въ соглашеніе съ папскимъ престоломъ, и знаменитый уже намѣченъ конкордатъ, какъ средство закрѣпить болѣе прочными узамъ сближеніе, состоявшееся между государствомъ и церковью, съ охраненіемъ этого союза отъ всякихъ переменъ, могущихъ произойти въ политикѣ государства. Императоръ оставилъ за собою право назначать епископовъ, общалъ дѣлать эти назначенія совѣстливо, ко благу церкви и не иначе, какъ по требованію совѣта отъ епископовъ подлежащей церковной области. На

основаніи этихъ рескриптовъ изготовленъ патентъ 18 апрѣля 1851 года, которымъ отмѣнено *placetum regium*, разрѣшено епископамъ, посредственно сносясь съ папою и получая отъ него привѣщанія, дано епископамъ право издавать наставленія и посланія, сообщая ихъ только въ копіяхъ правительству; наконецъ, отнято право у подначальныхъ духовныхъ лицъ приносить жалобы правительству на приостановленіе въ исправленіи должностей, на отставленіе отъ должностей и на лишеніе доходовъ по распоряженіямъ духовныхъ начальствъ. Вслѣдъ затѣмъ опредѣлены (23 апрѣля) отношенія церкви къ преподаванію въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Начиная съ народныхъ училищъ и кончая университетами, каѳедры закона Божія и богословія должны были быть замѣщаемы только духовными, получившими специальное разрѣшеніе преподавать отъ епархіальнаго епископа, которое точно также могло быть и отнято епископомъ безъ означенія причины и съ увольненіемъ того, у кого оно отнято, въ отставку. Не только такимъ образомъ богословскіе факультеты университетовъ поставлены въ безусловную зависимость отъ епископовъ; не только для полученія степени доктора богословія епископу предоставлено избрать половину членовъ экзаменаціонной комиссіи, а отъ докторанта требовалось признаніе, что онъ вѣруетъ въ догматы, установленные тридентскимъ соборомъ, но и въ философскихъ факультетахъ учреждены каѳедры римско-католической религіи, дабы церкви дано было средство «доказать свою связь съ истинными пріобрѣтеніями науки». Подъ видомъ того, что богословскіе факультеты даютъ образованіе слишкомъ теоретическое, заведены, для болѣе практическаго подготовленія къ священническому званію, высшія епархіальныя духовныя училища съ преподаваніемъ латинскомъ языкѣ и съ преподавателями по назначенію епископовъ. Римско-католическое духовенство постигло всѣ выгоды своего положенія и стало твердою ногою въ учебныхъ заведеніяхъ. Монахи лигуоріанцы, изгнанные въ 1848 г., возвращались въ Ломбардо-Венеціанскую область; съ генераломъ іезуитовъ Тунъ вели тайные переговоры, съ намѣреніемъ передать въ ихъ руки Галицію. Католическія братства не только въ Австріи, но и въ Германіи подносили императору благодарственные адреса. Ревность католическаго духовенства возбуждала опасенія въ другихъ исповѣданіяхъ, и эти опасенія имѣли основаніе, потому что духъ нетерпимости проявлялся на каждомъ шагѣ по поводу смѣшанныхъ браковъ, погребенія иповѣрцевъ на общественныхъ кладбищахъ, по поводу недовольствія евреямъ селиться въ городахъ и отведенныхъ имъ кварталовъ. Въ Вѣнѣ богословскій факультетъ

протестовалъ противъ выбора филологическимъ факультетомъ въ профессора Боница, протестанта, и филологическій факультетъ долженъ былъ уступить и избрать другого (1851). Въ Прагѣ послѣдовало отлученіе отъ церкви профессора философіи, бывшаго священника, доктора Сметаны, и когда онъ умеръ (1851), прежніе его товарищи, профессора университета получили выговоръ отъ намѣстника за то, что присутствовали на его похоронахъ. Но этого сильнѣе гнѣтъ новаго порядка вещей ощущался въ Венгріи, съ которою поступаемо было, какъ съ завоеванною страной. Административнымъ путемъ, безъ суда отставлены всѣ протестантскіе супер-интенденты и на мѣсто ихъ назначены правительствомъ другіе; инспекторамъ католическихъ школъ поручено было завідуваніе и надзоръ за протестантскими учебными заведеніями. Венгрія переживала тяжелую эпоху. Надъ нею совершаемы были, безъ всякаго съ ея стороны сопротивленія, всевозможные опыты и хирургическія операціи, которыя заключались въ слѣдующемъ.

По выдѣленіи изъ Венгріи Баната и Воеводины, по отчисленіи къ Кроаціи треугольника, образуемаго низовьями Мура и Дравою (Mur Insel), и нѣсколькихъ комитатовъ къ Трансильваніи (Краена, Сред. Сольнокъ, часть Ковара, Зарандъ), царство Св. Стефана представлялось значительно урѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ. Уменьшенную такимъ образомъ страну предполагалось раздробить на 5 отдѣльныхъ частей, и затѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ по-мадьяривать, призывая къ управленію покрытыя верхнимъ мадьярскимъ слоємъ, мѣстныя не-мадьярскія племена и группы населенія. Зародышъ административнаго и національнаго разложенія великой исторической единицы заключался въ дѣленіи на пять военныхъ округовъ, сосредоточенныхъ въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: Пешть, Пресбургъ, Эдембургъ, Кошицы (Kaschau) и Дербринъ. При каждомъ изъ комендантовъ были гражданскіе комиссары, а при главнокомандующемъ главный комиссаръ, баронъ Герингеръ; можно было предвидѣть, что эти комиссары останутся до прекращенія осаднаго положенія и превратятся въ постоянныхъ губернаторовъ. Въ Кошицы назначенъ комиссаромъ Сени изъ Галиціи, который явно стремился къ тому, чтобы изъ северной Венгріи образовать особую Словакію, съ славянскимъ языкомъ; къ помѣщикамъ онъ неблаговолилъ и покровительствовалъ крестьянамъ. Въ Пресбургѣ, мораванъ графъ Атемъ сильно раздѣлялъ протестантскія гимназіи; въ Эдембургѣ, баронъ Гауеръ занимался мыслью обнѣмечить округъ и ввелъ въ нѣсколькихъ комитатахъ нѣмецкій языкъ въ дѣлопроизводство. Всѣ три не знали ни слова по-мадьярски. Пештскій комиссаръ былъ бывшій бур-

гомистръ нѣмецъ Коллеръ, а Дебречинскій—славянинъ, бывшій сремскій вице-гешпанъ Чехъ. По мѣрѣ того, какъ успокаивался край и уменьшались казни, власть комиссаровъ возрастала; изъ простыхъ совѣтниковъ, приставленныхъ къ комендантамъ округовъ, они превращались въ настоящихъ управляющихъ, съ которыми оберъ-генпанамъ гражданскихъ округовъ предписано сношаться непосредственно, помимо генераловъ-комендантовъ. Тогда произошло нѣчто, на первый взглядъ странное: венгерцамъ больше пришлось выносить отъ этихъ гражданскихъ правителей, нежели отъ Гайнау и генераловъ, при всей строгости военной диктатуры этихъ послѣднихъ, потому что строгость генераловъ, имѣвшая цѣлью установить покорность, кончалась съ наступленіемъ совершенной покорности,—правители же гражданскіе, не обращая вниманія на покорность, безъ всякой страсти, хладнокровно, безсердечно проводили систему, убійственную для національности мадьярской. Съ концомъ 1849 года Гайнау значительно смягчился, сдѣлался смиреннѣе, смертныя казни не были больше исполняемы по приговорамъ, работа военныхъ судовъ сдѣлалась не меньше, но мелочнѣе, количество производимыхъ дѣлъ оставалось почти тоже, но наказанія слабѣе. Въ то же время Гайнау, какъ породистый, кровный аристократъ поддавался невольно обаянію, которое неудержимо производитъ на всякаго аристократа, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, сильно аристократическій складъ общества, гдѣ ему приходится жить и дѣйствовать. Знатные господа, венгерскіе магнаты сблизились съ главнокомандующимъ, были вскорѣ у него какъ у себя дома, оказались вполне подходящими къ нему людьми по сословному сродству, и тѣмъ охотнѣе были выслушиваемы, что самымъ усерднымъ образомъ нападали на революцію 1848 г., проклинали всѣ преобразования и стояли грудью на сторонѣ всякихъ реакціонныхъ мѣръ противъ того, что носило малѣйшій знакъ либерализма. Какъ ни сильно было душевное сродство между Гайнау и венгерскими магнатами, оно оказалось бесплоднымъ, союзъ не состоялся. Гайнау готовъ былъ оказывать самыя существенныя услуги тому или другому изъ своихъ друзей-магнатовъ, онъ завлекалъ ихъ къ занятію мѣстъ въ личномъ составѣ администраціи, но съ своей стороны эти знатные господа, служа дѣлу реакціи, думали и о томъ, чтобы не позволить измѣнниками передъ своею націею. Они могли бы съвѣщаться прочнымъ образомъ съ правительствомъ, еслибы правительство дало имъ возможность оказать націи извѣстныя услуги, вывести край изъ осаднаго положенія и возстановить до-мартовское устройство или подобіе этого устройства, хотя бы въ самыхъ од-

тархическихъ формахъ. Гайнау не хотѣлъ и не могъ сулить имъ прекращенія военнаго режима, которымъ только и держался онъ самъ въ Венгріи; если бы Гайнау даже дѣйствительно хотѣлъ выхода изъ этого состоянія, то ему помѣшали бы Герингеръ и комиссары. При такихъ условіяхъ магнаты венгерскіе, пощупавъ общественное мнѣніе націи и убѣдившись, что исключительное и временное превращается въ постоянное, что они себя только скомпрометируютъ служа правительству, ничего не выигравъ и не возстановивъ своего вліянія на націю,—отшатнулись отъ правительства и подавали въ отставку цѣлыми толпами. Въ Кошицкомъ округѣ не остался ни одинъ изъ прежнихъ оберъ-генпановъ; въ преебургскомъ только одинъ—славянскаго происхожденія. Всего долѣе выдержали на своихъ постахъ юристы, которые по приглашенію Шмерлинга приняли участіе въ весьма существенной для Венгріи работѣ, въ организаціи судебной части на основаніи § 7 мартовской конституціи, обезпечивающей за Венгріею особые законы гражданскіе и уголовные, особое судоустройство и судопроизводство. Извѣстные патриоты помогали правительству устроить на этихъ основаніяхъ суды (Серенчи, Сентивани, Рогончи), но и они отказались въ первой половинѣ 1850 г. Изъ нихъ Рогончи, который былъ сильнымъ противникомъ Кошута въ парламентѣ 1848, потерялъ сына въ императорской арміи и считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ вождей консервативной партіи, мотивировалъ слѣдующимъ образомъ свою просьбу объ отставкѣ: «Убѣждаясь съ горестью въ томъ, что въ управленіи Венгріею примѣняются начала, направленные къ уничтоженію дипломатическаго и историческаго права страны; что Венгріи управляется какъ нельзя управлять ею конституціонно, что, наконецъ, увеличивается болѣе и болѣе пропасть между правительствомъ и венгерскимъ народомъ, я не могу даже и на юридическомъ поприщѣ посвятить мои слабыя силы поддержанію политики, которую я считаю пагубною и для престола, и для государства, и какъ венгерецъ, и какъ австрійскій гражданинъ, потому что она оскорбляетъ чувства моей націи, мѣшаетъ успокоенію края и вызываетъ между народами, долженствующими брататься, ненависть, снѣдающую жизненные силы всей монархіи, въ совокупности взятой». Съ тѣхъ поръ о венгерцахъ ядрили въ Вѣнѣ и Пештѣ безъ венгерцевъ. Въ іюнь 1850 г. открылась въ Вѣнѣ, подъ предѣдательствомъ Баха, организаціонная коммиссія изъ Герингера, Сечени и нѣмецкихъ приглашенныхъ въ эту коммиссію; двухъ или трехъ гражданскіхъ (Чираки, Форгачъ) нельзя собственно и называть венгерцами: они проводили русскихъ чрезъ трапильванскія ущелья и

служили интендантами и комиссарами при князѣ Паскевичѣ. При этихъ условіяхъ Гайнау становился споснѣе, нежели мѣте стелющіе его гражданскіе сотрудники, и даже странно скажутъ, приобрѣлъ нѣкоторую популярность, когда случилось столкнове- ніе съ министерствомъ, кончившееся его отставкою. Забавно всего, что эту отставку онъ получилъ за мадяровъ, за бунтовщи- ковъ, за помилованіе ихъ противъ воли центрального правитель- ства. Поводомъ къ столкновенію послужилъ неконченный еще процессъ членовъ дебечинскаго сейма, голосовавшихъ за отсту- пеніе отъ престола династіи. Предсѣдатель верхней палаты Це- рени уже былъ до того времени повѣшенъ, предсѣдатель нижней палаты Альмапи и множество членовъ сейма бѣжали за границу. Около 60 или 70 подсудимыхъ, между которыми были нѣкоторые весьма крупные, судились еще въ 1850 г., когда министерство предписало главнокомандующему отправить политическое дѣло о нихъ въ Вѣну. Гайнау принялъ это предписаніе, нѣсколько разъ повторенное, какъ личную обиду, какъ умаленіе своей власти и далъ письменный приказъ военному суду постановить немедленно приговоръ. Подсудимые, въ числѣ 30, осуждены были на смерть повѣшеніемъ, и всѣмъ имъ, по подведеніи ихъ подъ висѣлицы, было объявлено совершенное помилованіе ихъ, безъ всякихъ усло- вій, главнокомандующимъ. Выходка Гайнау внушена была просто на-просто желаніемъ избѣсить своихъ вѣнскихъ недоброжелателей. Она попала въ цѣль, произвела неописанное раздраженіе, тѣмъ болѣе сильное, что нельзя было сдѣланнаго воротить и что для прикрытія досады пришлось помиловать еще 109 арестантовъ ме- нѣе виновныхъ, нежели дебечинскіе детронизаторы. Главнокоман- дующему поставлено явнымъ образомъ только то въ вину, что онъ вышелъ изъ предѣловъ власти, присвоивъ себѣ государствен- ную прерогативу помилованія, хотя онъ утверждалъ съ своей стороны не безъ основанія, что какъ полномочный представитель госу- даря, снабженный правомъ жизни и смерти, онъ имѣлъ и право помилованія въ своемъ распоряженіи. 8-го іюня 1850 г. послѣ- довалъ лаконическій приказъ объ увольненіи, по представленіи совѣта министровъ, Гайнау отъ занимаемыхъ имъ должностей. Ос- тавленный генералъ отвѣчалъ статью, помѣщенною въ пеннскихъ газетахъ, въ которой, опровергая корреспонденцію полу-официаль- ныхъ вѣнскихъ газетъ, онъ представлялъ изъ себя жертву *демаго- гии* (въ корректурѣ стояло: *демократіи*, но Гайнау собственноручно измѣнилъ демократію въ демагогію) и демагогическаго министерства, подвергающаго опасности государство. Какое зрѣ- нище, исполненное неисчерпаемаго комизма: Шварценбергъ про-

водитъ Гайнау въ мятежники, Гайнау Шварценберга въ дема- гоги! Статью Гайнау секвестровала полиція, но войско, при сво- емъ прощаніи съ главнокомандующимъ, которое имѣло видъ де- монстраціи, показало, что оно вовсе не сочувствуетъ министер- ству. За то въ управленіи верхъ взяли окончательно статскіе и пошла работа, не имѣющая ни имени, ни смысла. Споконъ- вѣка существующія границы комитатовъ были измѣняемы или для рѣшенія этихъ единицъ на части по племенному составу, или для соединенія частей нѣмецкихъ съ мадярскими, въ видахъ гер- манизаціи. Славянской языкъ вводимъ былъ въ чисто-мадярскихъ комитатахъ, личный составъ чиновниковъ набираемъ былъ сверху и до низу изъ лицъ, ни слова не знавшихъ и вовсе не старав- шихся выучиться по-мадярски, такъ что потомъ, въ 1860 г., на- значенный намѣстникомъ Бенедекъ имѣлъ полное основаніе обра- титься при представленіи ему властей въ Пештѣ, съ слѣдующими словами: «Какой скандалъ! десять лѣтъ въ Венгріи и ни слова по-венгерски!» Словацкіе предводители—профессоръ Штуръ и па- сторъ Гурбапъ посажены въ ноябрѣ 1850 г. въ тюрьму за пап- славизмъ и коммунизмъ, и въ то же время Герингеръ грозитъ отставкою чиновникамъ въ Коппицкомъ округѣ, если они не усво- ятъ себѣ словацкаго языка, и разсылаетъ даромъ газету «Сла- вянскія Новины». Еще 38 членовъ дебечинскаго сейма осуж- дены на смерть (октябрь 1851) и помилованы замѣною нака- занія тяжкимъ заключеніемъ; совершенно помилованные отданы подъ надзоръ полиціи, бѣжавшіе за границу осуждались заочно съ вы- ставкою именъ ихъ на висѣлицѣ. Такимъ-то образомъ 22-го сен- тября 1851 прибиты къ висѣлицѣ въ Пештѣ фамиліи графовъ Казимира Батіани, Владислава Телеки, епископа-историка Ми- хала Горвата, генераловъ Перчеля и Гюйова и теперешняго перваго министра, графа Юлія Андраши. 15-го сентября 1851 г. издавъ особый общинный законъ для Венгріи, предоставляющій намѣстнику либо назначать пожизненно членовъ общинныхъ управъ, либо предоставить общинамъ выбирать ихъ (разумеется, что на практикѣ заведено было только первое, а не послѣднее). Отмѣ- нены пандуры и прежніе полицейскіе чины, и заведены жандармы. Въ подати коронныхъ земель распространены на Венгрію, въ томъ числѣ и табачная регалія со всѣми ея стѣсненіями, самая тягостная для страны, которая сама производитъ столько табаку и въ которой послѣдній крестьянинъ не выпускаетъ почти ни- когда трубки изо-рта. По положенію 13 сентября 1851 г. пред- меты вѣдомства намѣстничества уменьшены, мѣстныя установленія пяти областей поставлены почти въ прямое сообщеніе съ каби-

нетомъ, такъ что званіе намѣстника, или гражданскаго и военнаго губернатора Венгріи, сдѣлалось только почетнымъ. На этотъ постъ назначенъ былъ дядя императора, эрцгерцогъ Альбрехтъ, который, чтобы расположить къ себѣ венгерцевъ, разрѣшилъ всѣмъ чиновникамъ, вербуемымъ теперь изъ разныхъ частей имперіи на всевозможныя должности, носить костюмъ національно-венгерскій, т.-е. собственно гусарскій, съ доломаномъ, шпорами и саблею. Венгерцы дали этимъ чиновникамъ мѣткое прозвище, которое за ними и осталось: «Баховскихъ гусаръ».

Съ концомъ 1850 г. система мѣръ къ объединенію Венгріи съ имперіею была завершена, учрежденія новыя всѣ въ ходѣ, можно было предоставить самое дѣло объединенія его естественному теченію и дожидаться спокойно всходовъ отъ этихъ сѣмянъ.

Венгрія перестала быть главнымъ предметомъ заботъ правительства, его занимали другіе вопросы. Очередной вопросъ 1851 г., въ которомъ Шварценбергъ полагалъ теперь всю суть своей дѣятельности, заключался въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ конституціи 4-го марта 1849 г., или, говоря словами Шварценберга, покончить съ «кремзирскою фикціею». Упраздненіе конституціи было совершенно возможно и даже вполне удобоисполнимо. На вопросъ о томъ, было ли оно вынуждено необходимостью, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Лучшимъ доказательствомъ его бесполезности служить, во-первыхъ, то, что восемь лѣтъ потомъ, силою вещей и безъ всякаго внутренняго переворота, Австрія должна была вступить на путь конституціонный, съ котораго и не предвидится теперь, чтобы она могла сойти; во-вторыхъ, что въ тотъ же періодъ столь же реакціонное министерство (Вестфаленъ-Мантѣйфель) успѣло однако обойтись безъ ломки, и избавивъ Пруссію отъ крайностей крутого поворота назадъ, своимъ благоразумнымъ, осторожнымъ, здравымъ образомъ дѣйствій подготовило Пруссіи ту великую будущность, которую мы видимъ теперь. Анти-конституціонная политика Шварценберга была его личнымъ дѣломъ, или, самое большее, дѣломъ той малочисленной ультра-феодальной и ультра-клерикальной фракціи, которой онъ былъ блистательнымъ, во весьма недалновиднымъ представителемъ. Несмотря на то, что не могло быть никакого ни съ чьей стороны противодѣйствія, отмѣна совершилась не разомъ, а въ нѣсколько пріемовъ и съ всевозможными предосторожностями. Къ числу такихъ предосторожностей слѣдуетъ отнести поставленіе печати въ такое положеніе, въ которомъ она совсѣмъ не могла ни въ малѣйшей степени служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Самая распространенная изъ вѣнскихъ газетъ: «Presse» (8000 подписчиковъ)

подверглась сильнѣйшему преслѣдованію; редакторы «Ostdeutsche Post», Куранда и Франкль отправлены въ Грацъ и Богемію; штрафы и аресты сыпались щедро и на министерскіе органы (Lloyd, Fremdenblatt), которые то и дѣлали, что восхваляли правительственныя мѣропріятія. Талантливый журналистъ, чехъ Гавчекъ отправленъ на жительство въ Бриксенъ (декабрь 1851 г.). Входило въ употребленіе сильное средство дѣйствовать на печать безъ предварительной цензуры и помимо суда, считающееся неосновательно изобрѣтеніемъ Наполеона III, тогда какъ оно употребляемо было въ Австріи гораздо раньше переворота 2 декабря и французскаго закона о печати 19 февраля 1852 года, въ которомъ оно формулировано впервые—я хочу говорить о *предостереженіяхъ*. Въ ноябрѣ 1850 г. министерствомъ издано распоряженіе о пріостановленіи газеты, которая, разъ получивъ предостереженіе, стала бы публиковать военныя извѣстія, а по закону о печати 6 іюня 1851 года поводы для предостереженій обобщены и постановлено, что одновременно съ третьимъ предостереженіемъ намѣстникъ можетъ пріостановить газету на три мѣсяца, а министерство совсѣмъ ее запретить. Для дополненія характеристики того времени не лишнее вспомнить, что одновременно подвергались подслѣдственному аресту въ Львовѣ Смолка и нынѣшній министръ Земляковскій; что въ ломбардо-венетіанскомъ королевствѣ преслѣдовались некурильщики табаку за воздержаніе отъ куренія съ политическою цѣлью уменьшить доходы казны; что носившіе длинные волосы подвергались опасности въ Вѣнѣ быть остриженными на гауптвахтѣ; что, наконецъ, министръ финансовъ Краузъ, озлобленный неудачами внутренняго займа и невозможностью возстановить курсъ бумажныхъ денегъ *al pari* съ звонкою монетою, при помощи директора полиціи Вейса фонъ-Штаркенфельда, преслѣдовалъ и арестовалъ съ ноября 1850 г. до конца 1851 мѣсяцъ, ростовщиковъ, биржевиковъ, «безстыдныхъ» ажіотеровъ, преимущественно изъ евреевъ, изъ которыхъ многіе отдаваемы были въ солдаты, а нѣкоторые, чтобы не быть изгнанными изъ столицы, принимали христіанство.

Въ началѣ 1851 года въ самомъ кабинетѣ случились знаменательныя перемѣны въ личномъ составѣ министерства, которыя произвели глубокое впечатлѣніе. 24 января Шмерлингъ вышелъ изъ министерства и получилъ мѣсто предсѣдателя верховнаго суда, а 23 мая вышелъ въ отставку Брукъ. Объ этихъ перемѣнахъ, какъ о послѣднихъ конституціонныхъ людяхъ въ кабинетѣ; съ этой точки зрѣнія сожалѣнія были напрасны: ни Шмерлингъ, ни Брукъ не могли считаться конституціонными министрами, но

Австрія теряла въ нихъ послѣднихъ дѣловыхъ людей, способныхъ къ проведенію бюрократическимъ путемъ настоящихъ реформъ. Шмерлингъ успѣлъ только-что довершить судоустройство, создавъ въ духѣ сильнѣйшей централизаціи верховный судъ, который долженъ былъ въ Вѣнѣ судить и рѣшать на нѣмецкомъ языкѣ всѣ дѣла, даже итальянскія и венгерскія, хотя они были судимы по-итальянски и мадярски въ двухъ низшихъ инстанціяхъ. Шмерлингу дали почувствовать, что онъ не на мѣстѣ. «Кажется, что меня не хотятъ имѣть?» спросилъ онъ у Шварценберга, котораго напелъ забавляющимся съ охотничьими собаками. — «Мнѣ кажется то же самое, — отвѣчалъ князь, не прекращая своего интереснаго занятія. Такимъ образомъ была, по рассказамъ, принята отставка Шмерлинга, котораго мѣсто предоставлено явному противнику суда присяжныхъ, брату министра финансовъ Краузу. Что касается до Брука, то о причинахъ его увольненія ходили разнообразнѣйшіе толки, причѣмъ указывалось и на озлобленіе помѣщиковъ и фабрикантовъ, и на столкновеніе съ министромъ финансовъ по поводу желѣзныхъ дорогъ, и на страшные расходы по сооружеціи рельсоваго пути на югъ, чрезъ Земмерингъ. Всѣ эти толки ничѣмъ не подтверждены; вѣроятно же всего, что хотѣли освободиться отъ новатора и плебея. Портфель Брука достался риттеру фонъ-Баумгартнеру, который вскорѣ потомъ (въ началѣ 1852 г.), по увольненіи отъ должности министра финансовъ Крауза, сдѣланъ былъ и министромъ финансовъ. Съ тѣхъ поръ торговля и промышленность стали опять по прежнему добавочными статьями къ государственнымъ финансамъ.

Въ августѣ 1851 г., въ связи съ учреждаемымъ государственнымъ совѣтомъ, послѣдовало нѣсколько распоряженій, которыми въ сущности уже вмѣщали въ себѣ весь замышляемый переворотъ. Государственный совѣтъ (Reichsrath) предусматривалъ конституцію, получилъ еще въ концѣ 1850 года предсѣдателя въ лицѣ извѣстнаго Алоизія фонъ-Кюбека, состоялъ изъ лицъ по назначенію императора, долженъ былъ имѣть совѣщательный голосъ по всѣмъ законодательнымъ вопросамъ и стоялъ по отношенію къ императору, на одной высотѣ съ кабинетомъ, такъ что по чину предсѣдатель государственнаго совѣта слѣдовалъ тотчасъ послѣ предсѣдателя совѣта министровъ. Дѣла подлежали обсужденію государственнаго совѣта, либо по сообщенію ихъ на заключеніе предсѣдателемъ совѣта министровъ, либо по высочайшему порученію. Статутъ государственнаго совѣта изданъ 13 апрѣля 1851 г.; въ дополненіе къ нему послѣдовали три императорскіе рескрипта 20 августа 1851 г. Въ одномъ изъ нихъ

Шварценберга, государь объявлялъ министрамъ, что они ответственны только передъ престоломъ и свободны отъ отвѣтственности передъ какою бы то ни было иною политическою властью. Съ тѣхъ поръ скрѣпа министра на высочайшихъ указахъ должна была служить только доказательствомъ соблюденія извѣстныхъ формъ и точнаго изложенія воли государя. Другимъ рескриптомъ, на имя Кюбека, пресѣчены всякія непосредственныя сношенія между кабинетомъ и государственнымъ совѣтомъ; сообщенія должны сообщаться только съ самимъ монархомъ, и даются заключенія только по дѣламъ, специально ему предлагаемымъ, въ записаніяхъ подъ предсѣдательствомъ либо предсѣдателя, либо лично государя. Такимъ образомъ вновь образованный совѣтъ обреченъ былъ на совершенное ничтожество, и долженъ былъ неминуемо превратиться въ мѣсто покоя, въ пріютъ для оставшихъ министровъ и сановниковъ. Третій рескриптъ заключалъ въ себѣ предписаніе князю Шварценбергу войти съ представленіемъ о томъ, какъ разрѣшить вопросъ о существованіи и о возможности приведенія въ исполненіе мартовской конституціи. Если до приведенія въ исполненіе этого закона возбуждаемъ былъ вопросъ о существованіи его и возможности его исполнить, то становилось понятнымъ, что его не намѣревались вовсе приводить когда-либо въ исполненіе. Такъ появилась дѣло публика, и это пониманіе оказалось неполнѣ вѣрнымъ. 31-го декабря 1851 г. четыре педѣли послѣ переворота 2-го декабря во Франціи, значительно возвысившаго Людовика-Наполеона въ глазахъ Шварценберга и людей того же образа мыслей, опять даны были три новые рескрипта, окончательно измѣнявшіе форму правленія. Одинъ изъ нихъ отмѣнилъ мартовскую конституцію съ предвареніемъ, что остаются въ полной силѣ равенство подданныхъ передъ закономъ и отмѣна крѣпостного состоянія. Второй рескриптъ отмѣнилъ основныя права гражданъ (Grundrechte), гарантированныя конституцію, причѣмъ однако сказано, что всякая признанная церковь, подчиняясь общимъ законамъ государства, пользуется правомъ публичнаго богослуженія, самоуправленія, а равно обладанія и пользованія учрежденіями и фондами, предназначенными на цѣли богослуженія, обученія и благотворительности. Третій рескриптъ начертилъ главныя основанія будущаго устройства, въ которомъ не оставлено уже ни малѣйшаго мѣстечка ни для Стадіонова закона объ общинахъ, ни для Шмерлингова судоустройства, по причинѣ излишней либеральности этихъ законовъ въ сравненіи съ новыми порядками. Члены общинныхъ управъ должны быть назначаемы правительствомъ, какъ въ селѣ такъ и въ городѣ. Крупная

поземельная собственность выдѣлена изъ общины; ей отведенъ мѣсто въ единицахъ высшаго порядка, участкахъ (Bezirk), округахъ (Kreis), съ преобладающимъ голосомъ и вліяніемъ. Въ тѣхъ родахъ перевѣсъ данъ домовладѣльцамъ надъ представителями капитала и труда. Опубликованные въ 1850 г. земскіе статуты отложены въ сторону, за то дворянству обѣщаны всевозможныя облегченія для учрежденія майоратовъ и фидеи-коммиссовъ. Въ округахъ вмѣсто управъ предположено устроить совѣщательныя комитеты изъ титулованнаго дворянства и изъ представителей крупнаго и мелкаго землевладѣнія и промышленности. Въ участкахъ предположено созывать отъ времени до времени на съѣзды (Zusammentretungen), для совѣщаній объ общихъ интересахъ, общинныхъ старшинъ и крупныхъ землевладѣльцевъ или ихъ по-вѣренныхъ. Въ судебной реформѣ клочки новаго перемѣшаны съ восстановленнымъ старымъ. Институтъ присяжныхъ для обыкновенныхъ преступленій похороненъ и остался только для преступленій по дѣламъ печати. Уголовное производство восстановлено старинное, письменное и инквизиціонное, съ тою разницею, что въ день доклада дѣла въ засѣданіи не публично, куда пускались отдѣльные слушатели по спеціальному разрѣшенію предсѣдателя, прокуроръ давалъ свое заключеніе обвинительное, а защитникъ оправдательное, послѣ каковыхъ устныхъ преній судья рѣшалъ дѣло, не производя судебного слѣдствія по актамъ. Судья изъ пяти челоувѣкъ техникувъ-юристовъ рѣшалъ дѣло окончательно, безъ апелляціи, допускались только кассационныя жалобы. Для осужденія подсудимаго требовалось не менѣе четырехъ голосовъ, но между осужденіемъ и совершеннымъ оправданіемъ введенъ посредствующій членъ: освобожденіе отъ инстанціи по недостаточности доказательствъ вины, соотвѣтствующее нашему оставленію въ подозрѣніи, которое приходилось освобождаемому всю жизнь носить на себѣ, какъ позорное пятно. Гражданское судопроизводство осталось инквизиціонное и письменное. Учреждена административная катура изъ лицъ по выбору и назначенію министра юстиціи. Задуманъ кромѣ того еще одинъ громадный шагъ по пути къ объединенію и централизаціи: введеніе повсемѣстно во всей имперіи гражданского австрійскаго кодекса 1811 г. и уголовного кодекса, который былъ изданъ вскорѣ потомъ 27-го мая 1852 г. Составителемъ этого кодекса былъ любимецъ академическаго легіона, профессоръ и ярый либераль, ригтеръ Гіе (Hue) фонъ-Глюнекъ, впоследствии одинъ изъ самыхъ рьяныхъ реакціонеровъ и противниковъ суда присяжныхъ. Для характеристики автора достаточно сказать, что въ уложеніе введено тѣлесное наказаніе роз-

гами и палками для мужчинъ и женщинъ, и что въ своемъ комментарий на кодексъ, Гіе оправдывалъ это тѣлесное наказаніе тѣмъ, что оно необходимо въ Венгріи, и значить, въ видахъ объединенія неизбежно и въ предѣлахъ всей имперіи. Въ постановленіяхъ уложенія, касающихся печати, подъ одинъ уровень по наказанію подведены всѣ лица, касавшіяся въ какой бы то ни было степени противозаконнаго по содержанію сочиненія: авторъ, переводчикъ, издатель, типографщикъ, книгопродавецъ; наказаніе было рассчитано на то, чтобы внушить, что печать есть занятіе опасное, прикосновеніемъ къ которому можно себѣ повредить на всю жизнь.

Упраздненіемъ конституціи выполнена была до конца и можно сказать исчерпана политическая задача, которую поставилъ себѣ князь Феликсъ Шварценбергъ. Смерть поразила его внезапно, безъ предшествовавшей болѣзни, безъ сильнаго какого-нибудь нравственнаго сотрясенія. 5-го апрѣля 1852 г. въ 5 часовъ вечера, выходя изъ засѣданія совѣта министровъ, одного изъ самыхъ обыкновенныхъ и безцвѣтныхъ, князь былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Смерть его не произвела въ управленіи никакой существенной и ощутительной перемѣны: налаженная имъ машина продолжала идти тѣмъ же ходомъ, только все тише. Преемниковъ власти у него не было, никто не былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Совѣтъ сталъ собираться подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя; на этихъ конференціяхъ министровъ давались мнѣнія, но не было никакого собранія голосовъ. На первомъ планѣ являются лица, близкія государю по его воспитанію: полковникъ, оберъ-каммергеръ, а потомъ генераль-адъютантъ графъ Грюппе, заслонившій собою по вліянію на военныя дѣла министра войны; въ дѣлахъ духовныхъ, бывший преподаватель закона Божія, назначенный въ мартѣ 1853 г. вѣнскимъ архіепископомъ, Раушеръ; въ дѣлахъ внутренней политики Бахъ, которому противопоставленъ былъ въ министерской конференціи начальникъ жандармовъ фонъ-Калпенъ, возведенный въ должность, вновь созданную, министра полиціи и имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи печать и театры. Со смертью Шварценберга реакція вступила въ свой второй періодъ, сдѣлалась еще мелочивѣе и кончилась глумливымъ застоємъ, оцѣпенѣніемъ, изъ котораго имперія могла быть выведена только спасительнымъ для нея сотрясеніемъ отъ вѣнскихъ событий, а именно — погромомъ франко-итальянской войны.